

Анн Бренон «МОНСЕГЮР» 1244-1994

перевод с франц. Наталіи Дульневой

ч.I Еретическая память

Внутренний двор современного замка Монсегюр. Он был построен, очевидно, в начале XIV столетия на руинах катарского castrum. Теперешний донжон, без сомнения, находится на месте прежней феодальной башни.

От автора

Эта книжечка составлена из слов, частично услышанных от людей, которых называли еретиками, и по возможности представляет их точку зрения. Это попытка передать их внутреннее видение, их собственную логику. Поэтому для их обозначения здесь будут употребляться термины Христиане, Добрые Христиане, Добрые Мужчины и Добрые Женщины в большей степени, чем слово катары, и термин идолопоклонники Церкви Римской – для обозначения католического средневекового клира. Потому что память о еретиках должна содержать, как куколка бабочку, память, выраженную их собственными аргументами, теми аргументами, которые они сами хотели бы представить, чтобы стать искусным сборником воспоминаний, в котором они всё еще живут и мыслят; чтобы Монсегюр всегда нес в себе эту еретическую память...

Кроме того, в этой книге еще часто встречаются обрывки нашей собственной памяти, нас, Анны и Жана-Луи, свидетельства нашей давней преданности Монсегюру, когда под конец этого тысячелетия, настало, наконец, время слушать.

Но мы также хотели бы разделить с вами нашу озабоченность их памятью, которая сегодня снова в опасности.

Фанжу. В начале XIII ст. Фанжу было одним из городов-замков, где процветал катаризм.

Стая воронов

*Гора становится замком
Устремляясь с силой
От солнечных камней к огрубевшим звездам
И свет понемногу
Прокладывает себе путь*

Нет. Монсегюр – это совсем не то, во что мы верили. Подростками мы всегда писали, или пытались писать, стихи о Монсегюре, стихи, похожие друг на друга, которые я цитирую из памяти. Но замок Монсегюр, далекий, невыразимый, оказался на самом деле военным укреплением, крепостью победителей, французов, господ де Леви, которые возвели его на вершине горы где-то в начале XIV века. Все, что было там за 50 лет до того - старую деревню, террасы, где Добрые Люди обустроивали свои дома, башню сеньоров де Перейль и замок Пьера-Роже – Инквизиция приказала сравнять с землей.

Потому теперь следует посмотреть в лицо Истории, потому что История всегда более поэтична, чем мечта, ибо она заряжена динамитом жизни и смерти. Из уважения, а почему бы и не из любви к абсолютной христианской преданности Добрых Мужчин и Добрых Женщин, и мы должны, пребывая в этом месте и окруженные словами их памяти, смотреть с той же абсолютной преданностью – это единственный по-настоящему братский взгляд, которого они заслуживают.

Солнце, восходящее над горой Монсегюр – обозначаемой словом пеш (сейчас неправильно произносимой как пог) – которое в течение дня описывает над замком свою невидимую дугу, это материальное солнце. А замок – это католическое творение. Восток, на который он ориентирован, это восток Святой Земли крестоносцев и монахов. Строители оставили знаки на своем творении, которое, как всякое человеческое творение, должно было нести в себе хвалу Творцу. Символика, вписанная в план замка Монсегюр – это та же символика, которая воодушевляла великую каменную книгу, писавшуюся остальными их коллегами-строителями того времени, возводившими кафедральные соборы, церкви и другие замки. Потому что катарской символики не существовало. Солярная ориентация замка Монсегюр выглядит слишком чуждой катарам, особенно для людей, которые знают, кем они были.

Для Добрых Людей, Добрых Христиан, одним словом, для катаров, как их называли католические противники, не только солнце, но и камни, и небо, и земля, и всё, что на ней, не имело никакого отношения к Богу. Ничего божественного, ничего священного нет в видимом, нет ничего видимого, что было бы священным. Как все христиане, и к тому же будучи монахами, они полагали надежду на спасение в другом мире – в Царствии Божьем. Но разница между ними и остальными была в том, что катары не видели никакого преддверия Царства Божьего в этом мире, ибо князем его был Враг Божий, как это сказано в Писании Нового Завета, единственном источнике их веры.

Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Иоанна. 5, 19)

Как бы они, наверное, смеялись, Добрые Люди, жившие на этой вершине, среди влажных камней и воздушных потоков, если бы им предсказали, что в XX столетии, сменившем XIX век спиритизма и столоверчения, найдутся люди, которые будут предъявлять права, чтобы быть их реинкарнацией, как

заявил однажды Мальро, будто он был в прошлой жизни монахом (или спиритуалистом, это зависит от цитаты) – и что наше XX столетие будет воспринимать эту гарнизонную крепость, построенную позже, как катарский эзотерический храм. Как бы они, наверное, смеялись, те, которые не видели в крестном знамении ничего, кроме неплохого способа отгонять мух от лица, а в каплях святой воды из кропильницы – что-то вроде небольшой неприятности, как от летнего дождика, а в статуях святых в церквях – только идолов из дерева, сделанных человеческими руками и человеческими орудиями, и которые всегда проповедовали, что истинная Церковь Божья – это сердце человека.

Возможно, даже они рассердились бы, они, следующие Евангелию, и пытающиеся не допустить в свое сердце и не выпустить из уст гневных слов, что в этот просвещённый век мы опустили до того, что пробуем натянуть на них личину солнцепоклонников, пифагорейских геометров с пятиугольниками или масонских архитекторов тайны.

Сегодня, под этим красивым маленьким французским замком на горе Монсегюр и вокруг него, спрятаны под остатками террас на вершине пеш фундаенты разрушенной фортифицированной деревни, где жили Добрые Люди и их друзья. Понемногу археологи восстанавливают план этой деревни и воскрешают цвета их жизни. И именно эта деревня вызывает у нас ностальгию и восхищение, и мы бы хотели спускаться и подниматься по лестницам ее улиц и склонять головы, входя в ее низкие ворота. Но у нас ничего не осталось, кроме этого горного воздуха и атмосферы горячности и рвения, наполняющей это опустошенное место. Нам ничего не остается, разве только расплавить своё сердце в сознании людей, живших здесь когда-то и утешаться еле различимым горизонтом голубых гор. Добрые Мужчины и Добрые Женщины никогда не пытались распознать в восходе или закате, в заре или сумерках никакого божественного послания. Но мы, на которых лежит эта ноша, мы, вынужденные все время думать о них и об их словах, которые они оставили нам как свидетельство своей жизни, должны до мозга костей проникнуться их восприятием, чтобы найти их еретическую память.

Дороги в Массабрак

Одним прекрасным осенним днем 1232 года Гвиберт де Кастр, Епископ Тулузской Христианской Церкви, объявил рыцарю Понсу де Вилленев, у которого он жил в безопасных стенах его замка в Вилленев-ля-Комталь, что он решил покинуть своё убежище в Лаурагэ и перебраться в Монсегюр. Рыцарь и раньше, уже несколько недель, замечал, что знаменитого епископа стало навещать всё больше людей. Да и он сам всё чаще отправлял куда-то своих посланцев, Добрых Людей, скрывающихся в подполье, как неутомимый Бернард де ла Мот, Старший Сын Тулузского епископа, или фаидитов, как Пьер де Мазероль или Изарн де Фанжу. Гвиберт де Кастр поблагодарил владельца Вилленев за защиту и дружбу, и попросил сослужить ему еще одну службу: проводить его и нескольких его товарищей до Гайя-ла-Сельве. Там, на лесной поляне, он должен был встретиться с преданными друзьями, которые будут сопровождать его дальше, в Монсегюр.

Понс де Вилленев был ревностным верующим Добрых Христиан, преданным защитником Церкви Божьей, особенно после того, как он сам пострадал от враждебности сильных мира сего и их Церкви с ее неуемными аппетитами. Перед тем, как покинуть комнату, он простерся перед престарелым епископом, совершая *melhorier*: «Добрый Христианин, прошу благословения Божьего и Вашего. Молитесь за меня Богу, чтобы он сделал из меня Доброго Христианина и привёл меня к счастливому концу».

На следующий день сам рыцарь, вооружившись, возглавил небольшой эскорт из троих сержантов, чтобы обеспечить безопасность Гвиберта де Кастра и его товарищей на дороге в Гайя-ла-Сельве. Вооруженный рыцарь мог ехать только на лошади. Была ли у него все еще одна из бесценных

испанских кобыл, выносливых и быстрых, как ветер? Или же он, как и его люди, ехал на неутомимой маленькой горной лошадке вороной масти, с сильными ногами и пышной гривой? В мирное время Добрые Люди долгие годы ходили по этим землям пешком, как апостолы, с посохом в руке и с книгой у пояса, проповедуя и благословляя. Но сегодня уже не было времени на пешие путешествия. Нужно было бежать и скрываться. Им предстояла долгая дорога через горы. Владелец Вилленев, без сомнения, держал в своей конюшне сильных мулов, способных беспрепятственно доставить Тулузского епископа и его троих товарищей до места назначения по бездорожью. Перед тем, как сесть на мулов, все четверо произнесли «Отче наш», как и полагалось.

Несмотря на бесконечные опасности, вооруженные банды, шпионов, ренегатов, боягузов, обездоленных, лишенных всего, обозленных на весь мир, несмотря на переменчивость настроений графских балы и слуг, которые, как и их господин, колебались между двумя видами верности – быть готовыми на всё, чтобы выжить, и быть готовыми на худшее, чтобы заработать несколько лишних монет или прощение; несмотря на тысячи ловушек, поджидавших их на тулузской земле и заставлявших этот маленький кортеж обходить стороной бургады, было великой честью, что Тулузский епископ в изгнании попросил его, Понса де Вилленев, послужить ему охраной. Эта торжественная и тайная процессия двигалась глухими тропками, иногда встречая какого-нибудь дровосека, который падал на колени, а старый епископ благословлял его.

Еретики. Так короли и князья мира сего, подзуживаемые папой Римским и его прелатами, стали теперь называть их, Бедняков Христовых, кротких Добрых Христиан. Еретики! Манихейцы! Ариане! Катары! И вслед за ними прелаты, аббаты и князья, всякий приходской священник, всякий аббатский причетник, всякий консул бургады, всякий напыщенный мелкий дворянин стали делать то же самое – чтобы заслужить благосклонность и угодить этим римским прелатам, получить прощение своих мелких грешков, и они начали плевать этими словами: еретики! катары! И даже граф Тулузский им подчинился. Как нелегко теперь было противостоять запущенной ими безжалостной машине репрессий и насилия, машине Зла. Защитники еретиков, рыцари-фаидиты, добрые верующие, открывавшие свои сундуки и овины при виде возникавших из тьмы фигур подпольных монахов, тоже были приравнены к еретикам, и, так же как и они, были преследуемы.

Тридцать лет назад Добрый Христианин Гвиберт де Кастр открыто жил в доме Церкви в Фанжу. В этом городе тогда было по меньшей мере десять домов Церкви, домов, где жили Добрые Мужчины и Добрые Женщины. На улицах слышался стук ткацких станков; Добрые Христианки пряли, сидя перед открытыми дверями и благословляли прохожих. Мотки пряжи приносили Добрым Мужчинам, и те ткали из них полотно. И к ним приходили толпы людей, во главе со знатными дамами и господами, чтобы слушать их проповеди, участвовать в их церемониях, получать от них поцелуй мира и Благоую весть. В эти первые годы столетия, еще довольно молодой, без единого седого волоса, в черных одеждах, с блестящим взором и глубоким, хорошо поставленным голосом, Гвиберт де Кастр пользовался заслуженной славой самого лучшего проповедника Лаурагэ. Старший Сын Тулузского епископа Госельма, он был одним из наиболее выдающихся иерархов своей Церкви. Говорили, что его естественная непринужденность и культура высокородящегося ученого клирика позволяли ему легко овладевать умами и сердцами хорошего общества.

Как и те кроткие Добрые Мужчины и Добрые Женщины, что проповедовали Евангелие в городах и деревнях и вели души к спасению, Гвиберт де Кастр, представлявший в Фанжу епископа Тулузы, занимался тем же. Сдержанный в жестах, как и его духовные братья, худой и воодушевленный, проповедуя Евангелие в своей благородной бедности, он сумел привлечь к себе целые знатные роды и убедить их присоединиться к своей Церкви. Две его сестры, Добрые Христианки, жили под сенью одного из монашеских домов в замке Фанжу. Его брат Изарн де Кастр, будучи диаконом в Лаурагэ, регулярно навещал его вместе со своими товарищами. Дамы и совладельцы Фанжу были потрясены его

проповедями, впрочем, как и торговцы, ремесленники и крестьяне этого города. А сколько богатых горожан и простых работников, благородных дам и господ, а потом и воспитанных ими детей, просили его позволить им тоже посвятить себя Церкви, стать Добрыми Христианами, чтобы проповедовать Евангелие, жить трудом своих рук, повторять «Отче Наш» и «Adoremus» и вести жизнь согласно Правилам апостолов, в бедности и праведности сердца. И так поступало множество супружеских пар, так поступила дама Бланша де Лаурак, и дама Гарсенда дю Ма сен-Пуэль, и дама Брайда де Монсервер, и дама Форнейра де Перейль, и Пьер-Изарн де Фанжу. И живя в монашеских общинах, они часто принимали у себя своих ближних, верующих дочерей и сыновей-рыцарей, своих внуков с широко открытыми от изумления глазами, и говорили им о Боге и о людях.

Однажды, в 1204 году, Гвиберт де Кастр, иерарх Тулузской Церкви, в отсутствие своего епископа Госельма, уделил крещение Иисуса Христа, таинство, отпускающее грехи и спасающее души, трём дамам замка: Фэй де Дюрфор, Раймонде де Сен-Жермен и Оде де Фанжу, а также сестре графа де Фуа, Эксклармонде, вдове виконта де Иль-Журден, которые проходили послушничество у Добрых Женщин в Фанжу. Перед толпой благородной знати и многочисленных родственников графа де Фуа, окруженный Христианами и Христианками из домов Фанжу, Гвиберт де Кастр возложил на них свои руки Христианина и Книгу Евангелий, прося Отца Святого принять их в Его справедливости, и ниспослать на них благодать и Духа Святого. И столько прекрасных дам, столько благородных сеньоров смог он повести дорогой правды и апостолов, прочь от насилий мира сего. И по всей стране его Церковь, намного более отвечающая апостольскому служению, чем Церковь попов, проповедовала Евангелие и призывала к спасению душ.

А потом настали бурные времена. Ему довелось увидеть, как сюда пришёл речистый монах Римской Церкви, брат Доминик, пытавшийся в самом Фанжу отвоевывать души для своего хозяина, Папы Римского, но, надо сказать, без особого успеха. И Гвиберт де Кастр, распознавший в нем великого проповедника и человека убежденного, надеялся, что настанет день, и глаза этого монаха откроются, и он поймёт, куда ведёт дорога справедливости и правды, и он вернётся к Богу и Евангелию, к спасению душ в истинной Церкви Христовой. Но Доминик ничего не понял: его сознание, а возможно, и его душа, погибли в бурях, посеянных Злом, в войнах и крестовых походах, которые Папа призвал на эти земли.

Но в этот осенний день, покачиваясь на спине мула, окруженный эскортом, бряцающим оружием, старый епископ Тулузский погружался в глубины своей памяти, прося прощения Божьего для всех не получивших утешения душ, для всех, пожранных пастью Зла. Крестовый поход опустошил землю и погубил людей. В течение двадцати лет, с 1209 по 1229 год, лилась кровь жителей бургад и замков, и вот, наконец, Папа Римский и король Франции насилем подчинили виконтства Каркассон, Безье, Альби и Лиму, лишили собственности и изгнали их законного сеньора, юного рыцаря Раймонда Тренкавеля; Каркассон стал принадлежать сенешалю короля Франции, а граф Тулузский, Раймонд VII, доблестный внук короля Генриха Английского и лучший рыцарь своего времени, был покорён и унижен, как силой оружия, так и интригами вдовы короля Франции Бланки Кастильской, которая во всём подчинялась Папе. Кто знает, сколько еще времени, связанный по рукам и ногам присягой и страхом, граф Тулузский сможет тайно защищать Церковь Добрых Христиан, Церковь побежденных, которую он сегодня публично называет еретической сектой, чтобы создать у Папы и короля иллюзию, что он ненавидит и преследует ее вместе с ними.

Почти две тысячи Добрых Христиан и Добрых Христианок были сожжены живьем на огромных массовых кострах крестового похода, когда крестоносцы и монахи Сито пели Те, Deum. Сердца и семьи Добрых верующих были расколоты. Мир, где Церковь могла спокойно проповедовать Евангелие, рухнул. И ткань его разорвалась. Города и замки отныне управлялись господами, признававшими только право завоевания и покорения. Церковь вынуждена была укрываться в лесах и тайных убежищах. Но Церковь Римская обещаниями гор золота и райского блаженства, прощения и умножения имущества соблазнила

людей доносить на изгнанников и непокорных. А ее священники во время месс, куда теперь каждый обязан был являться по воскресеньям, метали громы и молнии и угрожали, оставляя людей в тоске и чувстве вины.

Гвиберт де Кастр, епископ Тулузский, во времена войны вместе со своими ближайшими товарищами только закалился, как закаляется сталь в испытаниях, в этих ежедневных опасностях и тяжелых походах. А иногда выпадали дни, когда им давали приют непокорные Добрые верующие, такие, как Бернард Отон де Ниорт, Изарн де Фанжу, Понс де Вилленев. В этих временных убежищах епископ Тулузский терпеливо работал над возобновлением связей, над восстановлением ткани своей разодранной Церкви. И он знал, что эти усилия давали плоды: всё приходили и приходили решительные молодые христиане, которые пополняли ряды Церкви, невзирая на опасности; люди собирались на тайные проповеди, а население бургад хранило, несмотря на все печали, веру и надежду на преследуемых Добрых Мужчин и Добрых Женщин, на Добрых Христиан, имевших власть спасать души. Но после покорения графа Тулузского Церковь нуждалась в месте, откуда она могла бы излучать свет Слова Божьего на жаждущую его землю. После долгих и тщательных дискуссий и размышлений со своими друзьями и братьями, Гвиберт де Кастр остановил свой выбор на Монсегюре. Лучше, чем Дурнэ в земле Саулт, или Шатоверден в графстве де Фуа, подобно Кабарет для Церкви Каркассона до королевского завоевания, Монсегюр лучше всего подходил на роль престола и средоточия Церкви Тулузской.

В густом лесу Гайя, на освещенной солнцем поляне, к ним присоединился еще один небольшой вооруженный отряд, и сеньор Вилленев ля Комталь был поражен, увидев такое многочисленное собрание монахов, ожидавших их в окружении рыцарей и солдат. Там были Тенто, епископ Аженуа, его Старший Сын Вигоро де ля Баконь, Понс Гвиберт, диакон Виллемур, Бернард Бонафу, диакон Тулузы, и еще около тридцати Добрых Людей. Они подошли поприветствовать епископа Тулузского и его товарищей. Все присутствующие сержанты и рыцари попросили у них благословения. Немного отдохнув, Понс де Вилленев и его люди распрощались со всеми и вернулись в Лаурагэ; а длинный кортеж отправился по дороге на юг, к Пиренеям. Добрые Христиане, окружив своих епископов, шли пешком. Вооруженные люди, эскортировавшие их, были немного напуганы и в основном помалкивали. Во главе кортежа ехали конные рыцари – Изарн де Фанжу и Раймонд Санс де Рабат; а замыкали шествие Пьер де Мазероль и ещё несколько человек. Им понадобился целый день, чтобы достичь окрестностей Мирпуа. На следующий день, на полпути между Мирпуа и Лавеланет, когда голубой силуэт пеш показался на фоне окутанных дымкой гор, Гвиберт де Кастр отправил посланца к Раймонду де Перейль, сеньору Монсегюра. Он попросил его встретиться с ними в Пас де ля Портас, возле Вилленев д'Ольме, в часовне Сен-Кирк.

Епископ Добрых Христиан Тулузской Церкви прекрасно знал, что Раймонд не особенно охотно покидал орлиное гнездо своей фортифицированной деревни, эти острые скалы на горных вершинах, откуда было хорошо видно всю округу. Но он также знал, что для его посланника будет приготовлен хороший приём, и сеньор де Перейль, сын Доброй Христианки Форнейра де Перейль, захочет незамедлительно встретиться с ним.

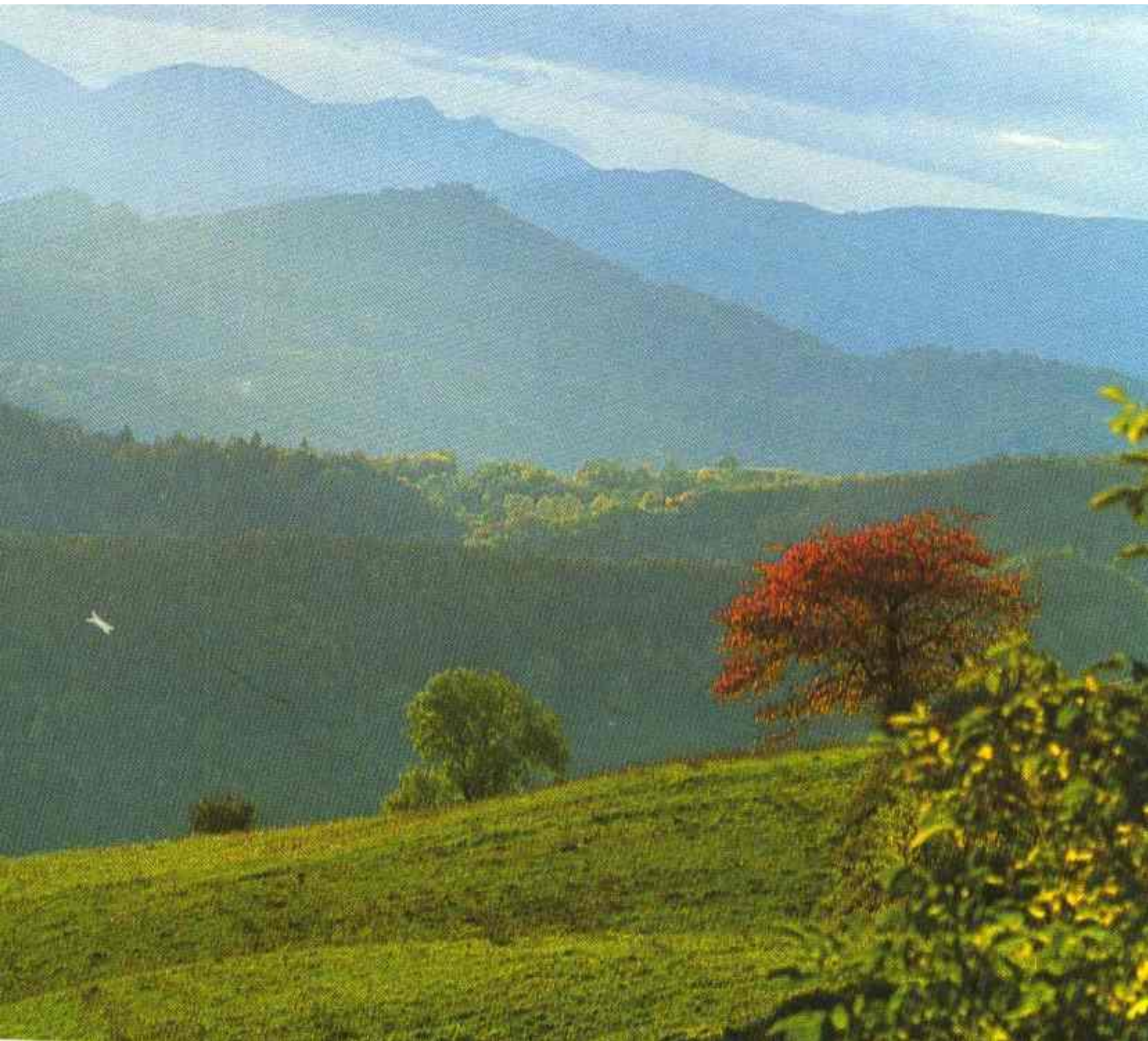
Часовня Сен-Кирк была небольшим строением с тяжёлыми сводами. Уже много лет подряд здесь не служили месс, и эта часовня была лишена всех внешних признаков католической обрядности. Здесь не было ни распятия, ни идолов из камня или дерева, украшенных жемчугами, резной костью, золотом и серебром, ни драгоценных блюд и чаш, в которых нуждаются священники, чтобы благословлять куски хлеба и превращать их в тело своего Бога.

Уже многие поколения сеньоры де Перейль, также, как и владельцы Лавеланет, или совладельцы Мирпуа, Фанжу, Кабарет, Термез и другие не держали капелланов и не слушали месс.

Только Добрые мужчины и Добрые Женщины, сидя за столом вместе с верующими, благословляли хлеб теми же словами, что и священники, и разделяли его с верующими в воспоминание о Тайной Вечере Иисуса Христа и из любви к слову Евангелия. Но для этого им не нужно было ни серебряных блюд, ни золотых чаш. Всё добро, принадлежавшее священникам, было передано Добрым Христианам, а все сокровища часовни – отданы в общины Церкви, чтобы они могли служить для ее нужд и помощи бедным.

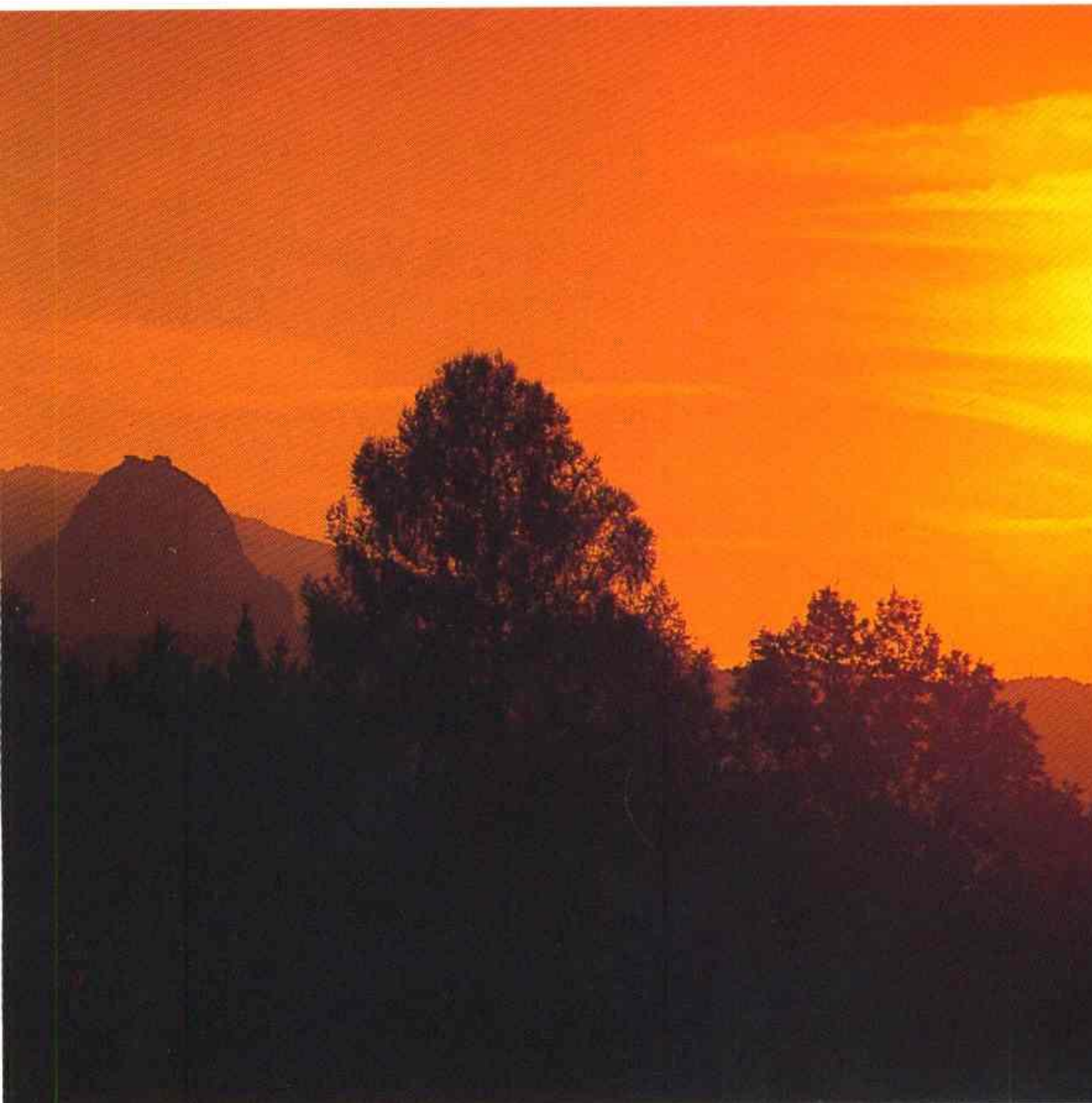
Но сегодня, после фатального покорения графа Тулузского, Мирпуа и Лавеланет оккупированы иностранными войсками, сеньоры и их семьи нашли убежище в Монсегюре, а народ безмолвствует. А вскоре, думал епископ Тулузский, возможно, придёт какой-нибудь вооруженный отряд из Лавеланет, овладеет замком Вилленев, который всё еще защищают горы и близость Монсегюра, а часовня Сен-Кирк станет тем, чем была раньше: перед ее украшениями и статуями-идолами вновь будут совершать свои магические обряды священники...

Раймонд де Перейль прибыл в воинском облачении, как и подобает человеку его ранга, но без оружия, в сопровождении своего бальи Бернарда Марти, рыцаря Бертрана де Барденака и нескольких сержантов. Среди рыцарей эскорта были их родственники; они спешили, подошли друг к другу, приветственно обнялись. Но Раймонд никогда в жизни не видел такого впечатляющего кортежа служителей Церкви Божьей. Он едва мог охватить взглядом всех этих Добрых Христиан в тёмных одеждах, окруживших своих иерархов – двух епископов, двух Старших Сыновей, диаконов. Стоял влажный полумрак осеннего вечера, когда с гор уже начал спускаться холод. И войдя в часовню, сеньор Монсегюра, его товарищи и весь его маленький отряд, упали на колени и коснулись лбом земли, прося благословения Божьего и этих Добрых Людей. Но едва добрые верующие поднялись, как епископ Гвиберт, пряча улыбку в бороде, попросил Раймонда де Перейля своим звучным и глубоким голосом проводить его и служителей его Церкви в castrum Монсегюр.

Высокогорье Перейль. Владельцами Монсегюра была семья Перейлей. Альзю де Массабрак, шурин Раймонда де Перейля, умер до 1229года.

Лучи заходящего солнца внезапно вырвались из-за туч и осветили всю дорогу. Она долго шла по долине к востоку, а потом взбиралась на склон горы, откуда, через ущелье Моренси, можно было увидеть пеш, на вершине которого возвышался castrum Монсегюр. Но когда длинный кортеж, охраняемый пятью рыцарями и вооруженными солдатами, подошёл к замку Массабрак, епископ Тулузский, утомлённый долгим путём, который он проделал из самого Лаурагэ, попросил сделать здесь остановку на ночь. Он очень замёрз. Ему хотелось согреться у огня.

В начале дороги, вид на гору Монсегюр.

ч.II Восстановление Церкви

Массабрак, маленький замок на холодной земле, уже давно принадлежал семье Альзю, приносившей оммаж сеньорам Лавеланет. Защищенный глубокими долинами, поросшими зеленой травой, под сенью гор, недалеко от грозных рыцарей Монсегюра, замок еще не подпустил к себе ни одного французского солдата. Хотя Ги де Леви, маршал короля Франции, уже овладел Мирпуа, Лавеланет и землёй д'Ольме. Госпожой этих мест была дама Азалаис, сестра Раймонда де Перейля, Добрая верующая, детство которой прошло в доме Христианок в Лавеланет, куда ее забрала мать, Форнейра. Но незадолго до крестового похода она оставила монашескую жизнь и ушла из общины Добрых Женщин, чтобы выйти замуж за рыцаря Альзю де Массабрака, получившего ее согласие.

Через двадцать с лишним лет Альзю де Массабрак, участвовавший во всех битвах и походах против крестоносцев и королевской армии, множество раз терявший и вновь отвоёвывавший свою землю, скоропостижно умер от тяжелой болезни в Перейль, в доме, принадлежавшем семье его жены. Дама Азалаис осталась вдовой. Вместе со всеми родственниками и знакомыми из соседних замков она участвовала в церемонии христианской смерти - или, как еще говорили, счастливого конца - своего мужа, получившего утешение и крещение из рук диакона Жана Камбиайра, которого для этого срочно вызвали из Монсегюра. Этой осенью 1232 года, она всё еще жила в Массабраке, в полной неуверенности, вместе со своей дочерью Фей, собиравшейся замуж, старшими сыновьями Раймондом и Отоном, уже почти достигшими возраста, когда носят оружие, и юным Альзю, который был еще ребёнком.

В Массабраке вся процессия расположилась в большой зале, посреди которой горел огонь. И все они улеглись здесь спать, на том же устланном соломой полу - тридцать монахов, их епископы и диаконы. Рыцари спали на тюфяках, за исключением одного из них, стоявшего на страже вместе с тремя солдатами. Лошадей и мулов пустили на ночь попасть на лугу, чтобы на заре они были полны сил. Когда занялся день, Монсеньор Гвиберт де Кастр благословил всех собравшихся, дам и молодых людей, живших в замке, маленький отряд из Монсегюра и рыцарей-фаидитов, возвращавшихся в Лаурагэ: Изарна де Фанжу и Пьера де Мазероль, которые забрали с собой Раймонда Санса де Рабат. Длинный кортеж Добрых Людей вновь отправился в путь, в сопровождении Раймонда де Перейля, его бальи и единственного рыцаря Бертрана де Барденака. Но отсюда дорога была абсолютно безопасной. Еще ни один французский солдат не осмеливался ступить на землю между Массабраком и Монсегюром.

Дорога, красиво огражденная огромными камнями, поднималась среди ясеней и буков, понемногу приобретающих осеннюю окраску. Дорогу пересекали чистые горные ручьи. Копыта лошадей оставляли глубокие следы на влажной почве. Клубы тумана еще поднимались со дна ущелья. Там, за полупрозрачной стеной из вязов, в свете утра, еще холодного, клубящегося густым туманом, внезапно возникла гора Монсегюр, мрачная и голубая, и заняла всё видимое пространство. И им оставалось только спуститься к ее подножию, обогнуть ее с запада, чтобы, в конце концов, с южной стороны, войти в низкие укрепленные ворота. Дорога потихоньку взбиралась по склону скалы, от одной укрепленной стены к другой, до самой деревни, окружавшей дом Раймонда де Перейля.

Старый епископ Тулузский хорошо знал эту дорогу. Так же, как он знал и улицы этой деревни, где было столько домов Церкви, и это высокогорное жилище Раймонда де Перейля, где тот обитал со своей семьей и родственниками, и эти головокружительные виды до самого бесконечного горизонта, открывающиеся за любой из стен деревни. Гвиберт де Кастр и сам некогда находил убежище в Монсегюре, когда война приняла угрожающие размеры, а Фанжу было впервые захвачено оккупантами. Во времена мира он тоже иногда поднимался сюда, чтобы посетить общины Добрых Мужчин и Добрых Женщин, где жила и Форнейра де Перейль. Но сегодня он знал, что это место, принадлежащее графу Тулузскому и находящееся на землях графа де Фуа, пребывает в руках аристократической семьи, преданной делу Церкви и связанной всевозможными связями с сопротивлением. Это место представляло

собой как бы горный остров, который далеко стороной обходили все битвы и ужасы войны, и этот остров всё еще оставался нетронутым и недоступным.

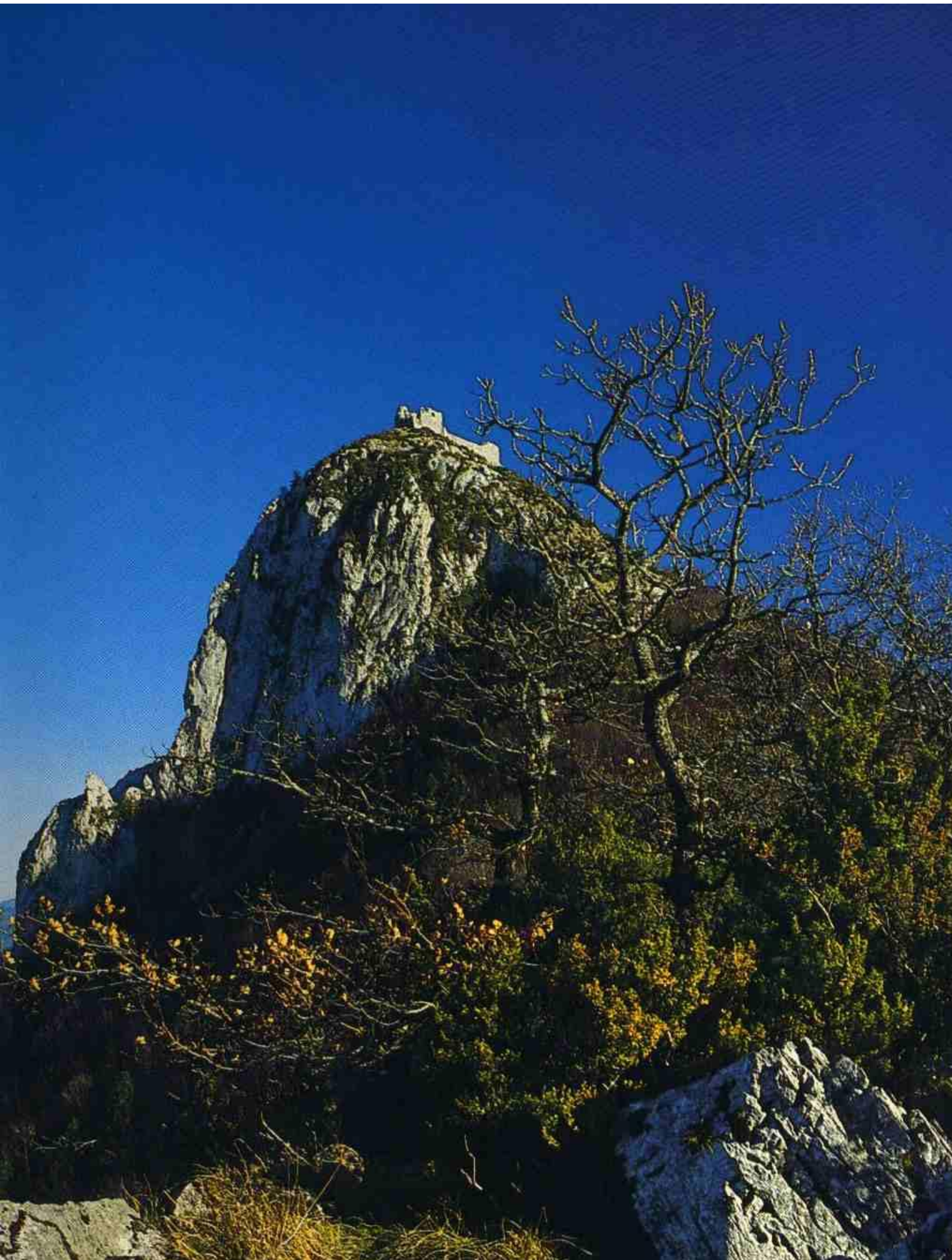
Кортеж Добрых Людей, одетых в тёмные одежды, растянулся вдоль дороги, поднимаясь всё выше и выше, мимо причудливо изрезанных скал. Гвиберт де Кастр и Раймонд де Перейль медленно, бок о бок, ехали во главе этой процессии. А из деревни спускались к ним удивлённые и радостные жители, впереди которых были два рыцаря-фаидита - Арнот-Роже де Мирпуа, брат Раймонда де Перейля, и его кузен Беренгер де Лавеланет. Наверху, в торжественной тишине главной залы замка, окруженный иерархами Церкви, епископами и диаконами Добрых Христиан, епископ Тулузский наконец-то объяснил причину своего прибытия в сопровождении такой представительной делегации Церкви. Он попросил Раймонда де Перейля, стоявшего вместе со своим бальи и рыцарями своего дома, согласиться на то, чтобы Церковь имела постоянное место пребывания в безопасности его укрепленной деревни.

Необходимо время, чтобы граф Тулузский вновь собрал свои силы, чтобы он смог заключить союз со своим кузеном, английским королем и другими великими князьями, нужно время, чтобы королевская власть Франции перестала исходить из рук слишком набожной женщины, и чтобы император и итальянские города урезонили чванливость папы Римского, выступил в защиту этой идеи Арнот-Роже де Мирпуа, один из самых преданных друзей Церкви. Нужно время, чтобы граф Тулузский вновь женился и подарил нам прекрасного сына, - присоединился к его аргументам и Беренгарий де Лавеланет, любитель куртуазного рыцарства. Нужно время, чтобы Церковь Божья могла бы возобновить возможность поддерживать в этом мире власть, данную Христом своим апостолам – власть отпускать грехи и спасать души, - сказал Гвиберт де Кастр, - чтобы путь справедливости и правды, дарованный нам Христом и изложенный в Писании, не закрылся вновь.

Раймонд де Перейль долго колебался, несмотря на отважные и вдохновенные речи своих друзей и товарищей, Ота Арнода де Шатоверден, Арнода де Мейревилья, Раймонда де Рокевилля, и особенно своего брата Арнода Роже, который был очень вовлечен в дела Церкви. Но именно ему, Раймонду де Перейлю, выпала доля принять ответственность за это решение и его неизбежные последствия. Он знал, что его сюзерен, граф Раймонд VII Тулузский, связанный по рукам и ногам недавним подчинением, молча поддерживает демарш Церкви в изгнании. Но он также знал, что долгое время эта поддержка будет только моральной, и что в этом мире против него будут сразу две силы, раздувшиеся от гордыни и ошестившиеся насилием. И очень трудно противостоять им, понимая, что к тебе со всей решительностью и без промедления будут применены эти орудия зла, гордыня и насилие: на какую же помощь может рассчитывать тот, кто осмелится бросить вызов одновременно папе Римскому и королю Франции?

Но он был Добрым верующим, сыном Доброй Христианки Форнейры, а его жена, дама Корба, была дочерью Доброй Христианки Маркезии. А все их родственники и союзники были лишены своих земель в силу злобы Лукавого. И каждый из них оплакивал мать, тетю или сестру, погибших на кострах крестового похода. И потому он согласился. Монсегюр, небольшое горное владение Раймонда де Перейля, стал престолом и средоточием Церкви Добрых Христиан, изгнанной из остального мира.

Когда решение было принято, Монсеньор Гвиберт де Кастр, епископ Христиан Церкви Тулузской, совершил первый акт восстановления своей израненной войной Церкви. В присутствии благородного собрания рыцарей-фаидитов он торжественно провел церемонию повторного возложения рук на Тенто, епископа Церкви Аженуа, и Вигоро де ля Баконь, его Старшего Сына. Затем он повторно высветил Жана Камбиаира, своего собственного Младшего Сына, и двух присутствующих диаконов – Бернарда Бонафу и Бернарда де Монтоти. Потом он возложил руки на всех присутствующих Добрых Христиан, на всех Добрых Женщин Монсегюра, и на Риксенду дель Теиль, их приориссу.

Общий вид на пог или пеш, Монсегюр. Вид с запада, позволяющий лучше всего вообразить «гору спасения», короной которой являлась фортифицированная деревня.

Старая дорога, ведущая по южному склону пещ, укрепленная и иногда вырубленная в скале, еще и

сегодня используется посетителями.

На следующий день, в замковой зале, он говорил с верующими. Окруженный своими товарищами из высшей иерархии Церкви Тулузской и Аженуа, он произнес длинную проповедь о предназначении Добрых верующих этого места, чтобы упрочить их доверие и убеждение в том, что его Церковь имеет большую власть спасать их души и множить в этом лежащем во зле мире послание надежды и спасения Иисуса Христа. В первом ряду слушателей были сеньор Монсегюра с женой Корбой и старшими дочерьми, Арпей и Филиппой, с братом Арнодом Роже де Мирпуа, золовкой Сесиль де Монсервер, дочерью Доброй Женщины Брайды, всеми остальными родственниками и людьми их дома. И каждый чувствовал свою душу укрепившейся, а сердце – преисполненным мужества, как и всегда бывало в присутствии Добрых Христиан.

Потом наступил поцелуй мира, передаваемый от Добрых Людей Добрым верующим, а лицам противоположного пола – через посредство книги Евангелия. Потом Гвиберт де Кастр поблагодарил Раймонда де Перейля за гостеприимство, и занял дом, где он уже жил раньше со своими ближайшими товарищами. Это был дом, куда верующие приходили послушать его проповеди и спросить совета, где рыцари ели за его столом хлеб Святой Молитвы, благословленный его рукой. Это был дом, куда он каждый раз возвращался, чтобы передохнуть после всякой изнурительной и опасной миссии, когда он отваживался спуститься в низину, чтобы проповедовать верным и служить Богу.

Террасы бывшей катарской деревни Монсегюр под донжоном теперешнего замка.

Он со дня на день ожидал прибытия своего Старшего Сына, Бернарда де Ламота, который в 1220 – 1228 годах был самым лучшим деятелем Церкви, и с его помощью удалось восстановить Церковь в Тулузе, Лантарес и нижнем Кверси еще до покорения графа. И теперь, в новом подполье, если бы Бог так захотел, его мудрость и решительность могли бы очень пригодиться. Но Бернард де Ламот умер от внезапной болезни, так никогда и не вернувшись в Монсегюр. Тогда Гвиберт де Кастр высветил Жана Камбиаира на своего Старшего Сына, а на Младшего Сына – Доброго Человека Бертрана Марти, избранного советом Церкви. Потом прибыл епископ Разес, Раймонд Агульер, заменивший своего предшественника, старого Христианина Бенуа де Термез. Он прибыл со своими иерархами, чтобы тоже установить престол своей Церкви, вместе с Церквями Тулузской и Аженуа, под охраной Монсегюра. В то же самое время иерархия Церквей Каркассе и Альбижуа укрылась на высотах Монтань Нуар в чащобах лесов Пик де Норе, между Отполь и Праделле Кабарде, между Риукс Минервуа и Серезе. И в то же самое время Церковь Римская, папа, юристы канонического права курии Римской, юристы римского права из Тулузы, изобретали жестокую и сурпулезную систему, орудие, с помощью которого они рассчитывали уничтожить Церковь Добрых Христиан и силой отвоевать у нее души: Инквизицию.

Почти все дома на улицах Монсегюра были домами Церкви, домами Добрых Женщин и Добрых Мужчин. Они там жили в маленьких общинах от четырех до десяти человек, а к этим домам еще добавлялись пристройки, лепящиеся как гнезда, то тут, то там, на склонах горы. И понемногу деревня охватила всю вершину горы, и даже, подобно взошедшему тесту, переваливалась через стены, свисая над пропастью, а где-то внизу открывались горизонты и далекие равнины, где столько верующих ждали их в своих домах. И в то же самое время образовалось и усилилось рыцарство Монсегюра. Раймонд де Перейль выдал замуж свою дочь Филиппу за хорошего рыцаря, настоящего воина, решительного и готового к сопротивлению, своего кузена Пьера Роже де Мирпуа, который был вдовцом и одновременно совладельцем Монсегюра. Вторая дочь Раймонда де Перейля, Арпей, тогда же вышла замуж за рыцаря Жирота де Рабат. Сестра Раймонда, Азалаис, также покинула Массабрак и Перейль и поселилась в Монсегюре с тремя сыновьями, рыцарями Раймондом и Отоном де Массабрак и юным Альзю, уже ставшим оруженосцем своего дяди, Арнода Роже. Вместе со своей матерью Азалаис в Монсегюр пришла и ее дочь Фей в сопровождении своего молодого мужа, рыцаря Гийома де Планье. И еще прибыло множество фаидитов из Разес и Лаурагэ, сыновей и внуков Добрых Женщин – Гийом де Лахиль, Раймонд де Марсейль, Брезильяк де Каилхавель и Жордан дю Ма.

И с той поры в домах, селах и бургадах низины люди с верой и надеждой смотрели на юг, на горизонт, где виднелись горы, потому что эта линия гор знаменовала Монсегюр. Монсегюр, который стал престолом их Церкви. Монсегюр, откуда Добрые Люди под охраной какого-нибудь рыцаря или солдата, несмотря на великие опасности, спускались, чтобы проповедовать Евангелие и утешать умирающих. Монсегюр, который всегда оставался для них вратами последнего приюта, куда они могли обратиться в минуту отчаяния, горя или ужаса, и спасти свою душу.

И эта отважная авантюра длилась целых двенадцать лет, с осени 1232 до весны 1244 года.

ч.III Камни и люди

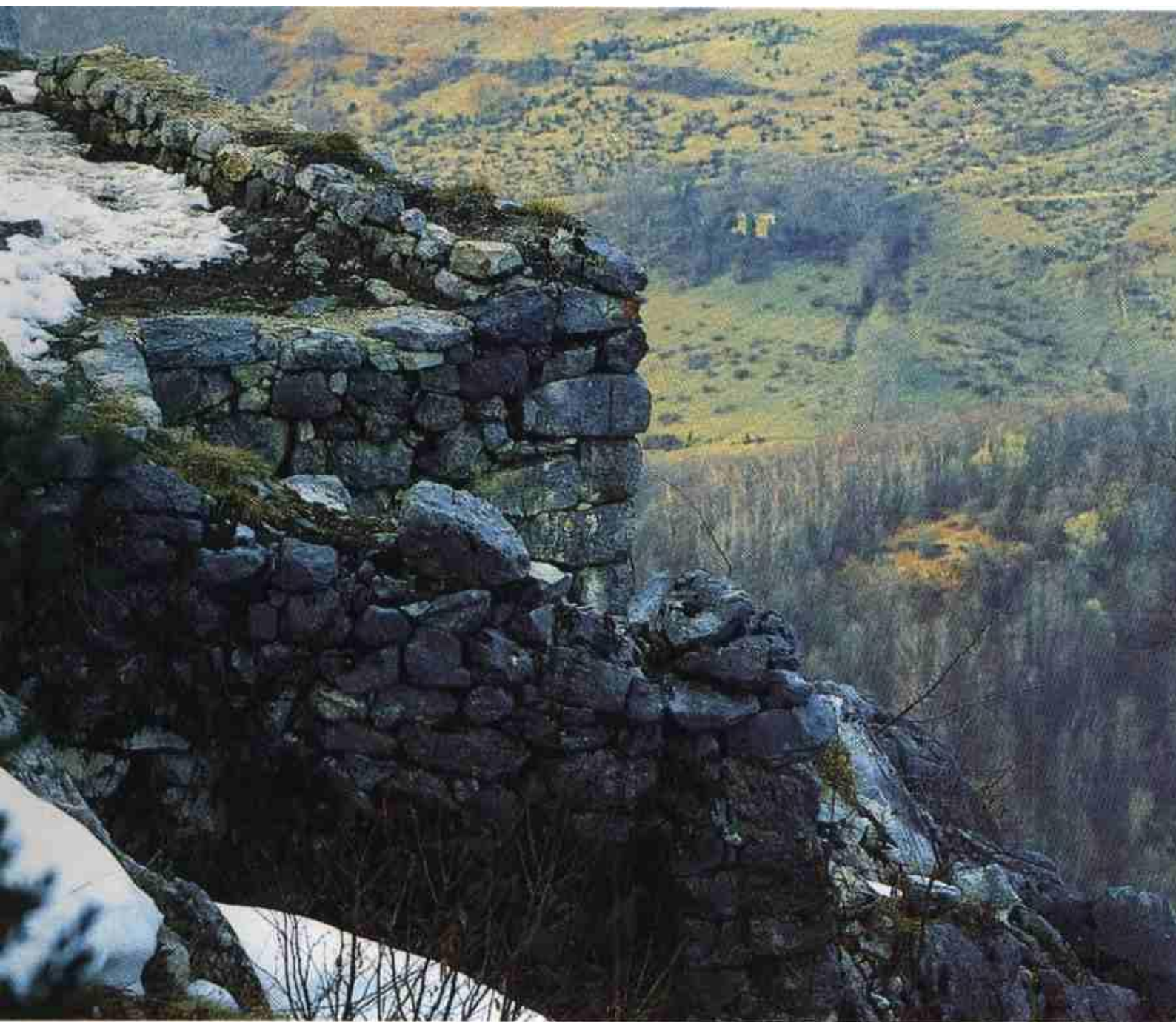
Август 1965 года. Солнце сияет, излучая радостное тепло. Третье лето археологических раскопок в Монсегюре. Два шурфа. Один – у подножия замка, немного внизу, на первой верхней террасе бывшей деревни. Но нам всё еще неизвестно, что здесь была настоящая деревня. Мы знаем только, что здесь,

без сомнения, было несколько домиков, прилепившихся к замку Раймонда де Перейля. Мы даже не могли себе представить, что этот красивый каменный корабль, рвущийся к синему небу во всех наших мечтах и снах, вовсе не был замком, который осаждали в 1244 году. Второй шурф – на отвесном склоне горы – это шурф для добровольных каторжников. Спелеологи пробиваются в глубь пещеры на Осадной Скале; при свете свеч они сменяют друг друга, очищая проходы от сора, земли и камней, которые насыпают в ведра и потом спускают вниз с помощью лебедки и рычага, приводимых в движение нанятыми для этого мальчиками. Нужно много лет, чтобы очистить этот проход.

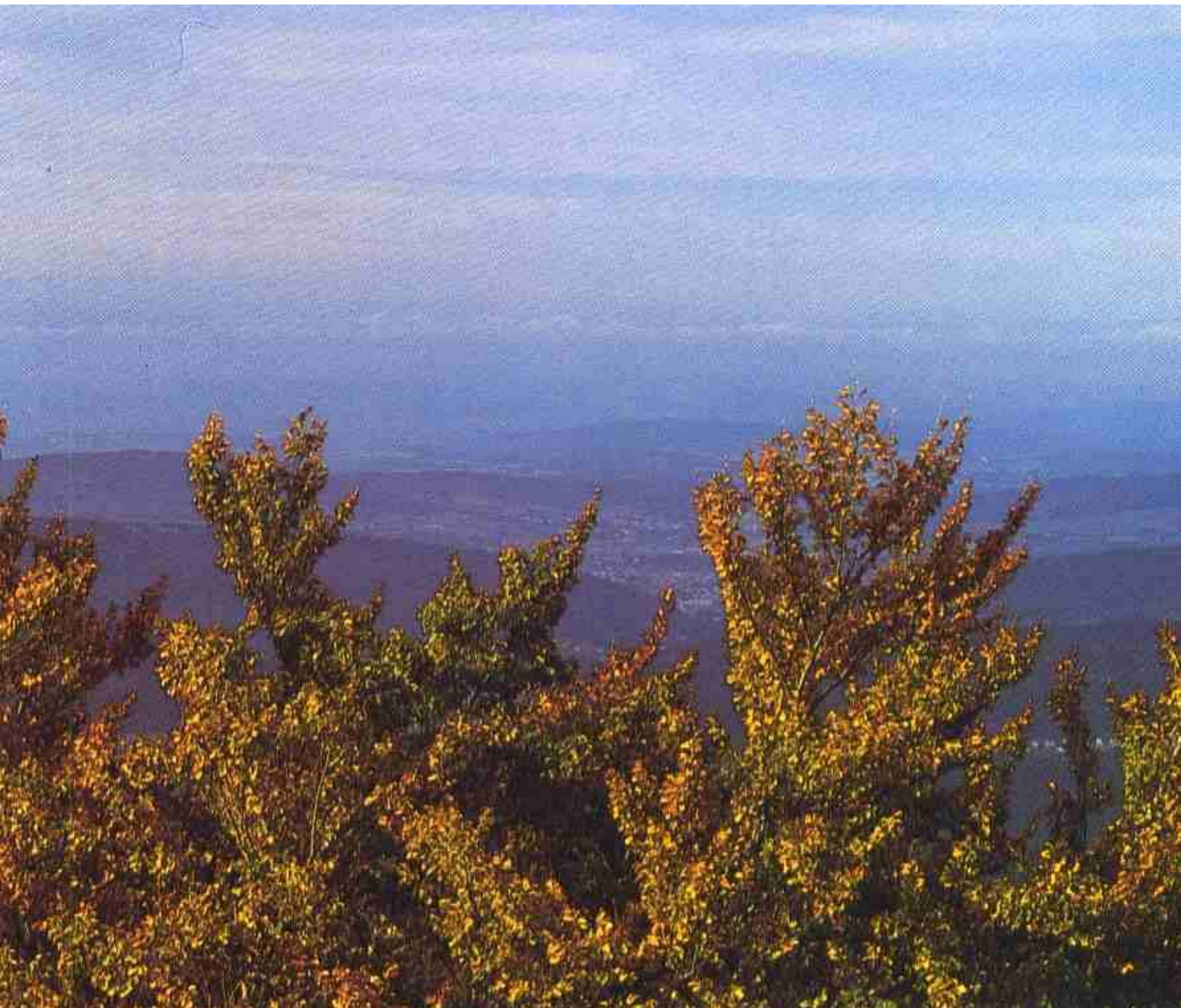
Раскопки на террасах. Работами руководит Малу. Кто сидит на корточках, кто стоит на коленях и скребет пол в огороженном веревками квадрате, пользуясь щеточкой и лопаткой. В углу – большое решето, над которым клубится пыль. Становится слишком жарко. Мы поднимаемся на гору ранним утром, пока свежо, спускаемся на обед в палаточный лагерь, а потом возвращаемся в послеполуденную адскую жару. Мы поднимаемся по крутой тропке, обгоняя туристов, что натужно кряхтят и провожают нас завистливыми взглядами, и спускаемся вечером, чтобы помыться в ледяном ручье. 1965 год. Программа Стеллио Лоренци «Камера открывает дверь в историю», посвященная крестовому походу и осаде Монсегюра, еще не создана, и появится в эфире лишь в следующем году. Однако толпы летних туристов уже взбираются по склонам пог или пеш, лазят по укреплениям замка и сыпят камешки нам на головы. Мы пробуем игнорировать их шумные возгласы, сосредотачиваясь только на своей кропотливой работе.

Находятся добровольцы, горячо желающие нам помочь. Они ищут пятиугольники, маленькие кусочки всё равно чего – глины, камня, металла, кости – по форме напоминающие пятиугольники. Катары ведь были пифагорейцами, не правда ли? Наконец Малу осмеливается заявить, что Пифагор ее не интересует, и на некоторое время нас оставляют в покое. Но нам не дает покоя другой голос, звучащий внутри нас. Потому что для нас дело не в этом месте, а в людях, которые когда-то жили здесь наверху, в общине. Это их память для нас дорога и даже священна. Нам приходит помочь Фернан Ниэль, и мы принимаем его, как друга. Он – из наших, у него лангедокский акцент, который обрезает окончания, у него резкие черты лица, добрая улыбка, а его расспросы хоть и страстные, но очень разумные. Он читает нам лекцию о показаниях выживших в Монсегюре, тех, кто свидетельствовал перед Инквизицией. Он говорит нам об Азалаис де Массабрак и ее дочери Фэй де Планыи, о юной Филиппе де Перейль и ее муже, суровом Пьере Роже де Мирпуа. И вместе с ним мы пытаемся понять, каким образом эта огромная история вместилась в узкие стены этого замка, плывущего над нами в мгlistом мареве лета.

Тысячи вещей появляются из-под земли. Невозможно всех их упорядочить, – вздыхает Малу. По-видимому, эта терраса, где мы копаем, была чем-то вроде свалки. Очевидно, работа по восстановлению топографии замка займет больше времени, чем это обычно нужно для других исторических монументов. Пока что мы находим фрагменты черепков, костей животных, гвозди, гвозди, снова гвозди, но иногда и украшения – кольца, шпильки, разукрашенные пояса, сбрую... И на каждую вещь мы наклеиваем маленький ярлычок с надписью. Но вот мы распознаем очертания домика, расчищаем его пол, понимаем, где находится каменный фундамент, стены, лепящиеся к самому склону горы, каменный очаг, порог, вырубленный в скале.

Руины катарской деревни. Северные террасы зимой.

Вид с castrum Монсегюр на запад в вечернем свете.

1965 год. Археология Средних веков еще практически не существует во Франции. Мы даже толком не понимаем, что именно раскапываем. Никто еще не знает, что это castrum. Мы не можем вообразить себе ничего другого, кроме классической феодальной схемы, более-менее перенося ее на видимые сегодня руины. Мы воображаем, что сеньор Раймонд де Перейль и его семья жили в каменном доджоне; что здесь был двор, окруженный каменными стенами, освещенный факелами, где толпились солдаты и слуги. Потом, когда пришла беда, туда прибывали и прибывали беженцы, Добрые верующие, но также и катары, две с лишним сотни которых были сожжены 16 марта 1244 года. Но как вообразить подобную толпу в таком маленьком укреплении? Возможно, общины катаров селились в скромных домиках у подножия замка?.. Вот, к примеру, таком, как мы раскопали: это вполне вероятно, не так ли? Но тогда возникает вопрос: были ли эти хлипкие сооружения оставлены во время осады, потому что ведь только стены замка могли выдержать удары каменных ядер и натиск штурмовых лестниц...И Фернан

Ниэль, который неустанно рассказывает нам об осаде, тоже задумывается над конфигурацией театра военных действий и местом расположения замка.

Мы наблюдаем и запоминаем, мы так дорожим этим замком, его странной архитектурой, мы всё видим в том свете, в котором рассчитал и набросал нам его план Фернан Ниэль, профессиональный инженер и выдающийся специалист. Ведь катары были манихейцами? Разве не так? А манихейцы ведь поклонялись солнцу? Но наша самая дорогая тайна - это Эксклармонда. Фернан Ниэль – последователь Наполеона Пейра, а все мы в той или иной степени были хорошими или плохими поэтами, вдохновленными Наполеоном Пейра.

У подножия горы каждый день мы встречаем молодую пару, одетую во что-то наподобие античных тог. Они ставят тент у начала тропы и продают брошюры Общества памяти катаров. Это мужчина и женщина с очень серьезным взглядом и видом весьма занятых и высоко моральных людей, что является главным стимулом их поведения. Они никогда не шутят. Может быть, они живут в воздержании? Без сомнения, они как минимум вегетарианцы. А может, они, также как и мы, хранят образ Эксклармонды... Но когда я натываюсь на жесткую безапелляционность их взгляда, мне становится немного страшно.

Мы работаем, серьезно и весело, и даже с некоторой горячностью. Почему мы все здесь собрались? Спелео-археологи Спелеологического общества Арьежа и спелео-клуба Од, школьники и студенты, виноградари и рабочие, профессора – все мы, добровольцы и энтузиасты, проводим здесь свой отпуск... Что мы здесь ищем? Мы уверены, что эти раскопки наконец-то смогут пролить свет, свет на тайны Монсегюра, о которых шепчется весь мир, и интерес к которым за последнее столетие только усилился. Свет, который поможет преодолеть несоответствия, существующие между исторической информацией и реальностью этого места и этих камней. Мы были группой добровольцев, желающих раскрыть топографию горы. Мы жаждем знать, где находились укрепления, лестницы, фундаменты фортификаций, бойницы для огромных каменных ядер, используемых осажденными, жаждем других всевозможных открытий, ожидающих нас в огромном и таинственном лесу, покрывающем северо-западный хребет пог.

Во втором шурфе, на Осадной скале появляется чрезвычайная находка, вызывающая сенсацию и взрыв непередаваемых эмоций. В прошлом году, в августе 1964 года, здесь был найден человеческий скелет, целый и невредимый, вынутый из захоронения, засыпанного еще несколькими метрами грунта. В его грудной клетке находилась арбалетная стрела, которая, скорее всего, и явилась причиной смерти, а захоронение говорило о том, что ему, хоть и наспех, попытались оказать последние почести. Я не участвовала в раскопках 1964 года, но на следующий год мне рассказывали, с каким благоговением эту находку спускали с самого верха головокружительного карниза Осадной Скалы, чтобы поместить ее в грузовик Малу и Луи. И еще рассказывали, что когда наступил вечер, все члены археологической группы, по-братски, сменяя друг друга, дежурили возле находки всю ночь не ложась спать, сидя у подножия Монсегюра возле грузовика, где лежало это сокровище.

Во время раскопок 1965 года, когда из-под земли были извлечены десятки кубических метров почвы и щебня, понемногу стали появляться и другие находки человеческих костей, очищенные от грязи и земли при свете свечи и поднятые на поверхность с помощью скрипящей под их тяжестью лебедки. И так, они вновь появлялись на дневной свет на узкой платформе над уходящими в бесконечность голубыми горами под палящими лучами летнего солнца. Второй целый скелет был также пронзен на уровне таза железной стрелой, возможно, арбалетной. И потом, еще глубже в недрах горы, были найдены лежащие в беспорядке кости. Внутри карстовой пустоты минимум на тридцать метров провалились камни, и мы отделяли эти кости вручную друг от друга, а потом звали мальчиков с лебедкой, чтобы поднять их на поверхность. И таким образом были найдены останки пяти людей

разного возраста, захороненных глубже, чем два предыдущих тела, уже спущенных вниз к подножию скалы.

Это единственные человеческие останки, когда-либо найденные в Монсегюре, - комментировал находку Фернан Ниэль. Однако, на протяжении десяти или двенадцати лет, когда это место было постоянно и густо заселено, там умирали старые и больные люди, не говоря уже о жертвах осады. Мы размышляли. Нам было хорошо известно, что катары не выявляли особого интереса к похоронным ритуалам. Они хоронили мертвых в соответствии с обстоятельствами, без особых церемоний, заботясь лишь о выявлении уважения к горю близких. Наполеон Пейра только воображал себе огромный подземный некрополь с гробницами и саркофагом Эсклармонды де Фуа. Останки пяти людей, найденных в каменном колодце, более соответствовали историческим реалиям. И как минимум два скелета принадлежали воинам, убитым во время осады 1243-1244 годов, причем убитым тогда, когда хребет Осадной Скалы еще не был взят. Тем, кто хоронил погибших, нужно было какое-то время, скорее всего ночью, чтобы достойно предать земле тело павшего друга. Возможно, это был рыцарь Жордан дю Ма, внук Доброй Женщины Гарсенды.

Но что случилось с обычным кладбищем, существовавшим в деревне Монсегюр? Конечно же, весной 1244 года, Инквизиция победителей не замедлила эксгумировать и сжечь все тела, души которых получили последнее утешение через возложение рук Добрых Людей, вынося им посмертный приговор по всем своим правилам. Таким образом, этим телам был отрезан доступ к воскрешению: им не позволено было явиться в Судный День перед Судьей Праведным. Эти еретики, худшие преступники из всех, которых только породило человечество для оскорбления Бога, уже заранее были осуждены, безусловно и навсегда, приговором инквизитора: на вечное проклятие. Бог уже не мог им сделать ничего более ужасного. Приговор к сожжению тела, живого или мертвого, превращение его в пепел, был равен, согласно убеждению инквизиторов, приговору к вечной гибели. Именно поэтому такой способ казни применялся их Церковью вот уже сто лет. У кого в то время нашелся бы такой дурной вкус, чтобы посметь вообразить, что Бог может в Судный День оказаться более милосердным, чем инквизиторы, и пересмотреть, или даже отменить приговор, вынесенный братьями-проповедниками?

Как я сказала, в деревне Монсегюр. Это правда, что начиная со времен первых археологических раскопок Монсегюра в 1964 и 1965 годах, год за годом, хотя и с перерывами, мало-помалу результаты исследований всё множились и бросали новый свет на историю. В конце концов, всем нам, верным Монсегюра, одному за другим, самое позднее в 1980 году, стало ясно, что катары никогда не видели замка, который видим мы. Мы получили неопровержимые доказательства тому, что этот замок более поздний, чем предыдущий Монсегюр. Что тот Монсегюр был совсем другой, что он был намного больше, и выглядел менее грозно, и мы поняли, как именно следует представлять жизнь и смерть этих людей, что вся эта история происходила в фортифицированной деревне, castrum. Должна сказать, что это обращение сердец и душ было далеко не безболезненным, и прошло не без сопротивления, и даже не без некоторой скорби, но это хорошо, что так случилось. Потому что правда даёт нам более сильный свет, от нее сильнее захватывает дух, она живее, искреннее, безрассуднее и красивее.

Монсегюр впервые упоминается в текстах в 1204 году. На то время это был всего лишь маленький, лежащий в руинах замок, одно из не очень престижных владений семьи Перейлей. Это был неудавшийся castrum. Он начал формироваться вокруг феодальной крепости на безопасной горе, но там не было ни достаточного количества людей, ни динамических процессов, которые бы резко увеличили прирост населения. На протяжении XII столетия это место не привлекало людей до такой степени, чтобы начать развиваться и влить жизненные силы в укрепленную деревню. Потому в 1204 году Монсегюр был маленькой, заброшенной крепостью. И это понятно, потому что место слишком высокое, климат слишком суровый, на скалах ничего не растет. И кроме всего прочего, почти нет воды. В первые годы XIII века, еще задолго до вторжения злых крестоносцев, бывшая госпожа этих мест, Форнейра де Перейль,

вдова одного из совладельцев де Мирпуа, оставила все права на владение своему сыну Раймонду и отдалась Богу и Евангелию. Став Доброй Христианкой и живя в общине в Мирпуа, а потом в Лавеланет, она решила основать дом Церкви в Монсегюре, потому что, по-видимому, любила это место. Тогда диакон Мирпуа, Раймонд Мерсье, попросил молодого Раймонда де Перейля провести необходимые восстановительные работы, чтобы Добрые Женщины могли поселиться на этой вершине. Всё это происходило где-то в 1204 году.

Двадцать лет войны и крестовых походов, начиная с 1209 года, понемногу придавали Монсегюру новый облик и характер искусственного castrum. В низине бушевало насилие, бургады и замки Лаурагэ были взяты или оккупированы, а многочисленные добрые верующие из аристократии де Фанжу, де Мирпуа и других семей, уводили своих жен и детей под защиту сеньора Монсегюра. Сам Раймонд де Перейль тоже поселился там, недалеко от дома своей матери и ее подруг. На то время и он обзавёлся семьёй, женившись на благородной девице Корбе Хунаут-де Ланта, скорее всего, оставив Перейль своей сестре Азалаис де Массабрак. Под его нужды была перестроена прежняя феодальная башня, превращенная в более удобное и обширное помещение. Появлялись и другие постройки, и вскоре на вершине горы, в границах старых укрепленных террас XII века, появился первый зародыш будущей деревни-убежища.

В течение нескольких последующих лет, во время эфемерной окситанской реконквисты, между 1220 и 1229 годами, дамы де Фанжу и беженцы из Лаурагэ вернулись в низину. Однако Парижский трактат и подчинение графа Тулузского вновь вернули Монсегюру репутацию безопасного острова среди гор. И опять, потихоньку, фаидиты, лишённые имущества, отчаявшиеся, отлученные, все те, кто еще надеялся на восстание и поддержку графа, обращали свои взоры на Монсегюр. Снова родственники, друзья, союзники, весь цвет фаидитского рыцарства, их дамы, приходили и селились вокруг дома де Перейля. Потом, после 1232 года, с легкой руки Гвиберта де Кастра, Церковь обрела там престол и средоточие, и с того времени в деревне появилось что-то похожее на огромный средневековый хоспис, подобный тому, какие существовали при крупных бенедиктинских монастырях. Здесь принимали посетителей, пилигримов, больных телом и душой, бедных и несчастных, но также и жаждущих Евангелия. И здешние монахи и монахини не просто бесконечно молились и хвалили Бога, а, усердствуя в своём апостольском труде, открыли множество мастерских. Здесь было место тишины и спокойствия посреди огромной долины, и в то же время эта укрепленная деревня находилась на пересечении больших дорог. В Монсегюре, castrum фаидитского рыцарства и монастыре для христианских общин, всё строилось и строилось маленькие домики, лепившиеся друг к другу и к свисавшим над пропастью укреплениям.

Тщательно восстановленные укрепления, ограничивающие castrum Раймонда де Перейля, охватывали гору полукольцом. И, конечно же, на южных склонах, на том месте, где были одни только голые скалы, слишком крутые, чтобы строить там стены и укрепления, Добрые Христиане любили посидеть на солнышке, закутавшись в свои бедные одежды. И повторяя свои Pater и Adoremus.

ч.IV Люди и огонь

Сидя на камне, молодая женщина курит сигарету. Возможно, на том самом месте, семь столетий назад сидели и Добрые Люди, которые тоже любили погреть на солнышке свои истощенные постами тела и вкусить дозволенную им роскошь. Их взгляды, как и наши взгляды сегодня, устремлялись за горизонт. В один майский день 1243 года они, как и все жители фортифицированной деревни Монсегюр, увидели, как из-за этого горизонта выползает, подобно гигантской разноцветной змее, армия крестоносцев, разместившаяся у подножия их горы.

Теперь армии туристов бродят по камням этих дорог. Вот лестницы, огромные, вырубленные в камне ступени «дороги ослов». Столько людей и животных поднималось по ней. Навьюченные тяжелой поклажей мулы, маленькие меренские лошади с развевающейся гривой, а возможно, даже и гордые испанские лошади серой масти, особо любимые аристократией, но хуже приспособленные к горной местности. Однажды, рассказывает Филиппа де Мирпуа, дочь Раймонда де Перейля, самая молодая благородная дама Монсегюра, однажды пятьдесят рыцарей приехали навестить моего мужа, Пьера-Роже; они ели и спали в доме...

Основание и фундамент теперешнего замка недавно были полностью открыты и скрупулёзно расчищены археологами. И пришёл день, когда на дневной свет явилась старая дорога, дорога, выложенная белым камнем и шедшая к сердцу castrum, к естественному центру, которым был донжон Раймонда де Перейля. Но сегодня мы видим только ее прерванный фрагмент; она неумолимо перегорожена укреплениями французского замка, построенного на руинах castrum. Навсегда исчез вход в укрепленную деревню. Едва можно различить останки улиц, о которых вспоминает Филиппа, рассказывая, как она часто видела, что ее младший брат Жордан де Перейль преклонял колени перед проходящими Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами, прося их благословения.

Во всяком случае, дама Филиппа не сказала инквизитору, слышала ли она, о чем говорили эти пятьдесят рыцарей, оставив в конюшне своих лошадей, в ее доме с ее мужем, совладельцем Монсегюра. Возможно, этот эпизод относится к 1240 году, когда законный, но лишенный прав виконт Каркассона Раймонд Тренкавель покинул свое арагонское изгнание и вступил в Пиренеи во главе армии фаидитов, чтобы попытаться отвоевать города своего отца, доблестного Раймонда-Роже, которого крестоносец Монфор обрел на постыдную смерть в 1209 году. Чтобы участвовать в восстании, в войне, в безумном походе Тренкавеля, Пьер-Роже де Мирпуа собрал многих своих товарищей, фаидитов и рыцарей Монсегюра. Люди в земле Каркассе восстали, так же, как в землях Разес и Саулт. Однажды посланцы сказали Филиппе, что королевский сенешаль Каркассона объявил награду за голову ее мужа, когда французы пытались поймать его во время осады Рокефейля. Но он только смеялся над ними.

Однако Тренкавель и его фаидиты вынуждены были капитулировать, когда к французским войскам пришла подмога. Он снова отступил в свое убежище, в свою ссылку. Пьер-Роже и его товарищи вернулись в Монсегюр, горный остров Монсегюр, недостижимый для ударов, но теперь гораздо более одинокий. Раймонд Тренкавель действовал один, с остатками своих сил и сил лишенных прав вассалов. В то же самое время граф Тулузский медленно и терпеливо собирал союзников, готовясь к собственному реваншу, чтобы отомстить своему противнику, великому христианскому королю. Разве Тренкавель не мог подождать и сберечь силы для решительного удара? В мае 1242 года страна услышала сигнал, которого она ожидала, эта страна, умолкшая было под гнетом Инквизиции. Раймонд VII, граф Тулузский, решил сбросить ярмо покорности и объявил о реконкисте. Этот сигнал дошел и до Монсегюра.

Весенней ночью 1242 года, очевидно, в ночь с 26 на 27 мая, группа рыцарей из Монсегюра под руководством Пьера-Роже, выехала в Лаурагэ, чтобы нанести решительный удар. Маленькая армия из пятидесяти людей, рыцарей-фаидитов и осужденных за неявку в инквизиционный трибунал – Гийом де Лахиль, Брезильяк де Каильявель, Жордан дю Ма, Арнод-Роже де Мирпуа и его оруженосец Альзю де Массабрак, Жирод и Раймонд де Рабат, Гайлард и Бернард де Конгост и многие другие, сержанты и солдаты. Миссия, которую они собирались выполнить, была доверена им графом Тулузским. Согласно тщательно подготовленному плану, они приехали в лес Гайя де Сельве, и соединились с отрядом Пьера де Мазероль. Все было, как и десять лет назад, когда последний должен был сопровождать мирный и торжественный кортеж Монсеньора Гвиберта де Кастра, иерархов и Добрых Христиан Церкви Тулузской и Церкви Аженуа, которых он провожал от Лаурагэ до Монсегюра и обеспечивал их безопасность. Но на этот раз, выехавший из лесу вооруженный отряд вряд ли спрашивал у Добрых Людей мнения о своей миссии. Те ведь руководствовались только Евангелием. А это была кровавая миссия, и фаидиты ехали,

чтобы ее выполнить. Акт объявления войны в форме возмездия, породивший надежду и откликнувшийся мрачной радостью по всей земле от Каркасе до Кверси.

Следующей ночью, с 27 на 28 мая 1242 года, в час, когда пели соловьи, двое инквизиторов, остановившихся в Авиньонет вместе со своей свитой, доминиканец Гийом-Арнод и францисканец Этьен де Сент-Тьибери, были убиты фаидитами, а их архивы, тяжелые тома признаний, доносов, обещаний несчастья, были разорваны и сожжены.

- *Cocula carta, es trencada!* Наконец эти ё...ные реестры разодраны в клочья! – восклицали повсюду люди. Пьер-Роже и его товарищи вернулись в Монсегюр, увозя красивых лошадей инквизиторского кортежа в качестве боевого трофея и знака своей славы. Война началась. Страна ожидала освобождения.

Но союзники графа Раймонда, его кузен, король Английский, другой его кузен, граф де ла Марш, были побеждены в Аквитании армией молодого короля Франции, и война изменила свой ход. В 1243 году новая капитуляция, под Лоррис, новое, еще более унижительное покорение графа Тулузского, с еще более тяжелыми последствиями для последнего, стали смертным приговором Монсегюру. Обезглавить гидру, приказала регентша Бланка Кастильская. У этой проклятой ереси была еще одна голова, престол запрещенной Церкви и фортифицированное убежище фаидитов, которые оттуда могли организовывать вылазки и акции сопротивления. Следовало положить этому конец. То, что произошло в Авиньонет, обратило на Монсегюр взор французского короля и папства.

И Раймонд Тулузский снова покорился, снова сыграл роль кающегося сына Церкви, и, сделав вид, что осаждают Монсегюр, посоветовал Пьеру-Роже подготовиться к настоящей осаде. И Пьер-Роже стал собирать продовольствие и амуницию, а тем временем королевский сенешаль Каркассона помогал епископам и архиепископам провозглашать крестовый поход и добровольно или силком набирать людей в армию для священной войны. Начиная с лета 1243 года, кольцо осады замкнулось вокруг пещ Монсегюр. Когда наступило ненастное время, кольцо сжалось, и события приобрели кровавый характер.

Из деревни на террасах жители Монсегюра могли видеть последний северный форпост своей горы - Рок де ла Тур... Десять лет назад археологи открыли и расчистили там руины маленького редута, среди кучи наконечников стрел, в том числе и арбалетных, а также множество другого, предназначенного для убийства железа, свидетельствующего о том, что здесь шли ожесточенные бои. Именно в этом месте происходили события, описанные в хронике Гийома де Пюилорана, когда крестоносцы, а именно гасконские солдаты, взобрались на Рок де ла Тур где-то между октябрём и ноябрём 1243 года: «Они добрались, ведомые Господом, до укреплений, расположенных на верхушке скалы; пользуясь внезапностью, они истребили охрану, заняли это укрепление и предали мечу всех, кого там нашли...»

Теперь почти весь хребет пещ до самой Рок де ла Тур покрывает лес. Но тогда там жили люди, свидетели этих битв и этого горя. Что еще могли чувствовать эти семьдесят защитников Монсегюра, видя сотни и сотни идущих на штурм крестоносцев, которые мало-помалу приближаются к укреплениям деревни? И это горе и тоску монахи, жившие в деревне, Добрые Мужчины и Добрые Женщины, принимали в себя, успокаивая ее своим христианским благословением. И словно эхо этих событий сохранилось в одном из девятнадцати переживших осаду свидетельств - ровно столько до нас дошло - в показаниях Фей де Плаинь, дочери Азалаис де Массабрак:

«Когда Альзю де Массабрак, мой брат, был тяжело ранен в Монсегюре, многие еретики, мужчины и женщины, приходили навестить его; и там были моя мать, Азалаис, и Филиппа, жена Пьера-Роже, и Арпей, жена Жирота, и Сесиль, жена Арнода-Роже, и сам Арнод-Роже, Бернард де Сен-Мартин,

Гийом-Раймонд Голайран и Гийом Азема, и мы все много раз кланялись этим еретикам... И раненый, на своем ложе, тоже кланялся еретикам, как он способен был это делать».

Добрые Христиане, просим благословения Божьего и вашего, и молитесь Богу за нас, чтобы Он сделал из нас Добрых Христиан и привел нас к счастливому концу... И Добрые Мужчины и Добрые Женщины отвечали им и громко молились, произнося Отче Наш, и повторяя свои Adoremus.

Но юный Альзю не получил утешения; он не умер от ран. Он пережил осаду и костер Монсегюра.

Сегодня, продираясь сквозь молчаливый и немного волшебный лес, покрывший мрачным ковром северные отроги пещ, трудно вообразить себе, что деревня могла простираться вдоль хребта в направлении Осадной Скалы. Туда вела одна из тайных, окружавших гору тропок, которой долгое время пользовались посланцы, покидавшие и возвращавшиеся в осажденный castrum. Они приносили защитникам арбалеты, тетиву и веревки, шлемы, заверения графа Тулузского, озабоченные письма из Кремоны, от Церкви Добрых Христиан в изгнании. У обочины этой укрепленной дороги было найдено место захоронения людей, убитых или умерших от ран. В том числе и рыцаря Жордана дю Ма?

Потому что этот мрачный лес все еще прячет под слоем грунта и другие секреты. Именно здесь были найдены каменные ядра, указывающие на присутствие военных машин. На склоне, защищавшем Осадную Скалу, было построено укрепление, перегородившее хребет: не было ли это тем местом, которое выжившие описали как «барбакан возле машины»? Между Рождеством 1243 и февралем 1244 года, в снежное и холодное время, атаки ужесточились. Несмотря на надежды осажденных, подмога не пришла, а ядра военных машин уже долетали до укреплений и первых домов деревни. В очаге одного из этих домов было найдено каменное ядро прямо в глиняном горшке, который оно расплющило семь с лишним столетий назад. Жордан дю Ма был ранен и получил утешение «у барбакана, который был возле машины. Туда пришли Добрые Люди Раймонд де Сен-Мартин и Пьер Сирвен, которые дали раненому утешение, хотя он уже утратил возможность говорить...»

Понятно, что в этой суматохе тело Жордана было похоронено в могиле под временной защитой барбакана, или в каком-либо ином месте неподалеку.

Женщины также участвовали в обороне, делали все, что могли; смерть не щадила никого из населения деревни. Так же, как и солдаты, рыцари и сержанты, благородные дамы, жены и любовницы защитников, просили Добрых Христиан: «если случится так, что они будут смертельно ранены, но не смогут говорить, то чтобы их все равно приняли и дали утешение, даже если они будут не в состоянии произнести ни слова...» Физическая смерть в деревне Монсегюр стала вездесущей из-за насилия человеческого. Но Церковь, хранящая *consolament*, святое крещение Иисуса Христа, имела власть спасать души.

Когда рыцарь Гийом де Лахиль тоже был смертельно ранен, его принесли в дом Монсеньора Бертрана Марти, епископа Христиан Тулузской Церкви. Азалаис де Массабрак дежурила у его изголовья вместе с другими дамами: «Корба, жена Раймонда де Перейль, Сесиль, жена Арнода-Роже, Филиппа, жена Пьера-Роже, Арпей, жена Жирода, моя дочь Фей, жена Гийома де Плаинь, и я, все мы приходили в дом Бертрана Марти, епископа еретиков, чтобы смотреть за раненым...» Именно тогда дамы заключили соглашение о хорошей смерти, *convenenza*, со своей Церковью.

В то время смерть стала частой гостьей на этом хребте. Когда сержант Бернард из Каркассона тоже был смертельно ранен, а потом перенесен в дом епископа, где получил утешение, повсеместно царил паника, которую описывает Азалаис де Массабрак: «Я участвовала в этом *consolament* вместе с

другими людьми, но не помню, кто там был, потому что все смешалось, и все бегали туда-сюда из-за постоянных атак».

2 марта Пьер-Роже де Мирпуа начал переговоры о пятнадцатидневном перемирии. Он не подписал пакта о безоговорочной капитуляции. Он добился общей амнистии для всех участников убийства инквизиторов в Авиньонет, и сохранения жизни для всех светских обитателей деревни Монсегюр, а также для тех Добрых Христиан, которые отрекутся от своей веры, чтобы вернуться в лоно Церкви победителей. За это они просто должны были дать свидетельские показания перед трибуналом Инквизиции. Однако упорствующие еретики, то есть Добрые Мужчины и Добрые Женщины, которые не захотят отречься от своей веры, должны были быть сожжены живыми, согласно обычной процедуре крестовых походов, как это произошло в 1210 году в Минерве или в 1211 году в Лаворе, и во всех тех опустошенных местах, где пламя сотнями пожирало живые человеческие тела.

В течении всех двух недель, пока продолжалось перемирие, горизонт оставался немым, несмотря на последние обещания, которые все еще приносили с опасностью для жизни посланцы графа Тулузского, проскальзывая сквозь тесное кольцо осаждающих. Иногда в ясные дни защитники Монсегюра могли различить на севере город Каркассон, бывший город виконтов Тренкавель, бывший город трубадуров, земли, которые ныне управлялись сенешалем короля Франции. Этот сенешаль организовал и возглавил крестовый поход против Монсегюра, а потом вел переговоры о перемирии с Пьером-Роже. А за Каркассоном туманилась Монтань Нуар. Наверное, самые бывалые из рыцарей помнили еще времена радостей любви в Кабарет, в Минерве, и песни Раймонда де Миравалья, друга старого графа Раймонда, отца нынешнего графа Тулузского...

*«Только на Любовь все мои надежды...
О любви все мои мысли
И нет у меня иных забот, кроме любви
Ибо только любовь мною движет
И только она имеет ценность
Как в безумии, так и в мудрости
И все, что нужно для любви, это добро...»*

И в этом мире следовало стоять на *дороге добра*. Добрые Христиане, они одни *знали истинное добро*, и могли вести своих верующих к спасению путем справедливости и правды Евангелия. В воскресенье 13 марта 1244 года, за три дня до окончания перемирия, за три дня до того, как это место должно было капитулировать, двадцать один житель деревни, двадцать один добрый верующий попросили своих епископов, Монсеньора Бертрана Марти для тех, кто родом из Тулузы, Монсеньора Раймонда Агульера для тех, кто родом из Разес и Терменез, о последней милости. Они хотели получить из их рук *consolament*, крещение Духом, которое спасает душу и делает Добрым Христианином, то есть одним из тех, кого победители-крестоносцы обрекли на костер. Среди них была дама Корба, жена сеньора Раймонда де Перейль, Эксклармонда, одна из ее младших дочерей, но также рыцари и солдаты - тяжело раненый Гийом де Лахиль, Раймонд де Марсейль, Брезильяк де Каильявель. Среди них были и супружеские пары, скрепившие свой союз, мужественно пойдя на смерть в огне, и несколько женщин, оставивших мужа и детей.

Лаурагэ. В 1242 году из Монсегюра сюда долетел сигнал к восстанию, которым было убийство инквизиторов и их свиты в Авиньоне.

Начиная с мая 1243 года армия крестоносцев осадила Монсегюр. Хроникер описывает ужас осаждающих перед «страшными склонами».

Не было никакого другого секрета Монсегюра, кроме глубин сознания этих человеческих существ из плоти и крови, которые знали тогда, в воскресенье, 13 марта 1244 года, что когда закончится перемирие, в среду, 16 марта, их сожгут живьем. И они пошли на это, и они готовились к этому. Вот свидетельство Арпей де Рабат: «В последний вторник - 15 марта - я, вместе со своей сестрой Филиппой, пришли увидеться с нашей матерью, еретичкой Корбой; и там мы поклонились ей, так же, как и ее товарищам. После этого мы оставили означенную Корбу и других еретиков, и вернулись к себе. Это было во вторник, а на следующий день еретиков грубо выволокли из castrum Монсегюр и сожгли.»

Двести двадцать еретиков, двести двадцать мужчин и женщин были сожжены живыми у подножия горы. Корба, Гийом, Раймонд, Бертран, Саисса, Ава, Маркезия, Бруна...

*Эти языки пламени были женщинами
И любви было угодно вернуть их
К источнику света
(Рене Нелли. Ночь Монсегюра)*

В этом нереальном пространстве, в морозной белизне гор всегда была какая-то сила, всегда оставалась надежда для населения верующих, божьих повстанцев. Но в то утро эти горы омрачил зловещий дым.

«Не удивляйтесь, если мир ненавидит вас (1 Ио.3, 13). Ибо Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё, а как вы не от мира, Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир и преследует вас. И если Меня гнали, будут гнать и вас... (Иоанн. 15, 18-20)».

Раймонд де Перейль, сомневался ли он когда-нибудь в своем выборе? Думал ли он о том, чтобы тоже получить крещение Добрых Христиан и последовать за теми, кого он любил, в пламя князя мира сего, в эти огненные врата спасения?

Христианство катаров, как его теперь называют, отделяет от нас тонкая и эфемерная граница между высказанным и невысказанным теми, кто, свидетельствуя перед трибуналом Инквизиции, признавался в своей вере в то, что «они, еретики, были Добрыми Мужчинами и Добрыми Женщинами, которые имели власть спасать души». Эта эфемерная граница подобна контуру пейзажа, что и семь столетий назад представал перед их взглядом. Историки строят мосты между временами, а поэты - между сердцами людей, и так открывается дорога, как написал Рене Нелли, к «отвоеванию аутентичности». Ибо История накладывает на нас моральные и интеллектуальные обязательства и требует от нас, чтобы мы помогли тем, кого сильные мира сего последовательно пытались вытеснить, исключить и вычеркнуть, вернуть их человеческое достоинство.

ч.V Преисподняя, созданная людьми

16 марта 1244 года, в среду, в ужасном пламени костра Монсегюра загорелись человеческие факелы.

Потому что нельзя безнаказанно сопротивляться сразу двум силам мира сего, папе и королю. Вот почему колебался Раймонд де Перейль, сын Доброй Женщины, в тот осенний день 1232 года, когда Гвиберт де Кастр, епископ Христиан Тулузэ, попросил его принять Церковь в castrum Монсегюр.

Надежды фаворитов и верующих были всего лишь иллюзиями. И такой же иллюзорной была защита, обещанная графом Тулузским, его попытки взбунтоваться, его политические заговоры, его эфемерные союзы, его хрупкие коалиции.

Королевский сенешаль и епископы Римской Церкви подняли и возглавили крестовый поход против Монсегюра, но никогда, несмотря на все свои обещания и уверения, граф Тулузский не был способен прийти на помощь осажденным со своей армией. 1 марта Пьер-Роже де Мирпуа выговорил последнее пятнадцатидневное перемирие. И две недели, пока оно длилось, люди смотрели на горизонт с безумной надеждой, что они увидят, как среди холмов появляется серебристая змея подмоги, пришедшей в последний час, как будут развеваться красные и золотые штандарты Тулузы или орифламма императора Фридриха. Но Добрые Люди вряд ли уже на что-то надеялись. Они мудро использовали отпущенное им время, чтобы проститься с близкими и раздать все, что они еще имели в этом мире.

Сокровища Церкви, то есть ее денежные резервы - золото, серебро и монеты в огромном количестве, как говорится в свидетельствах - были эвакуированы отсюда еще в Рождество 1243 года и увезены в Италию, в распоряжение сестринской Церкви Кремоны, четырьмя опытными Добрыми Людьми, которые, несмотря на огромную опасность, смогли пробиться через кольцо осады. Ведь нужно было, чтобы у братьев в Ломбардии была возможность сопротивляться, возможность выжить, обеспечить подпольную жизнь и сохранить еще в этом мире надежду и Слово Божье. Двести Добрых Мужчин и Добрых Женщин, монахи и монахини общин Монсегюра, готовились к смерти вместе со своими епископами, Бертраном Марти, епископом Тулузским, и Раймондом Агульером, епископом Разес и Терменез, своими диаконами и приориссами. И более двадцати добрых верующих решили присоединиться к ним в последний час, хотя Пьер-Роже де Мирпуа смог договориться о сохранении жизни и свободы для всех светских жителей Монсегюра в обмен на простое свидетельство перед трибуналом Инквизиции, заседавшем в одной из палаток крестоносцев.

16 марта 1244 года. Более двухсот еретиков были приведены в место, огражденное частоколом из кольев и бревен, и там зажгли огонь. И они прошли прямо из пламени костра в пламя адское. По крайней мере, так описывает сцену костра Монсегюра хронист Гийом де Пюилоран. А что бы сказали об этом резюме сами Добрые Мужчины и Добрые Женщины, жертвы ужасов мира сего? Ведь они все еще могут говорить с нами, из своих писаний и теологических размышлений, из дошедших до нас трактатов и ритуалов, из памяти об их проповедях, сохранившихся в реестрах Инквизиции, и говорить достаточно громким голосом.

В их понимании христианства вечный ад был чем-то абсолютно нехристианским. Это варварская идея, изобретенная людьми власти, людьми злобной Церкви, чтобы удержать в послушании других людей. И какую же честь оказывают они дьяволу, давая ему возможность иметь свое царствие наравне с Богом, возможность вечной власти над божественными душами!

И еще проповедовали Добрые Люди: идолопоклонники Церкви Римской не понимают, что Бог есть Бог, что Он - Один, что Он есть Бытие, и именно поэтому Он милосерден; бытие и добро, бытие и любовь - нераздельны, и только бытие, только любовь могут быть вечными; только милосердие может быть сущностью божественности, только этому Единому принадлежит Царствие, Сила и Слава во веки веков. Идолопоклонники Церкви Римской богохульствуют, говоря, что власть дьявола так же вечна, как у Бога, раз души Божьи попадают в его ад на вечное проклятие и осуждение. Разве не они в таком случае верят в двух богов, они, которые не стыдятся называть Добрых Христиан еретиками-дуалистами, на том основании, что Добрые Христиане отказываются признавать, будто Бог создал зло? Разве не они, идолопоклонники, разделяют вечность между адом и раем, между Богом и дьяволом?

И еще проповедовали *Добрые Люди*: идолопоклонники Церкви Римской не понимают, что Послание Христово, носящее красивое имя Евангелие, означающее Благою Весть, освобождает людей от угрозы вечного проклятия, возвращает людям истинное лицо Бога - лицо их Отца. В конце времен все души Божьи будут спасены, все они достигнут своей вечной небесной родины; и тогда этот мир, князем которого есть сатана, этот временный земной ад, опустошенный без божественного бытия, также придет к концу, вернется к своему небытию. Ад, чистилище - это всего лишь кнут, которым римские клирики угрожают бедным суеверным людям, одновременно держа у них под носом пряник в виде дорогостоящих индульгенций, воскурений ладана и сияния золотых дарохранилищ.

Ад - это всего лишь временный хаос в этом бесконечно раздираемом мире, где Зло имеет всю власть, и где оно поставило на человеческой воле свою печать Зверя - стремление к суете, несправедливости и насилию. Знаете ли вы, проповедовали *Добрые Люди* с Евангелием в руке, что Христос сказал, что Царство Его Отца не от мира сего? Знаете ли вы, что Бог создал вас благими по Своему образу и подобию? И что только зло заставило вас жить в этом кошмаре. Что этот мир всего лишь иллюзия зла, и ад это всего лишь иллюзия зла. Знаете ли вы, что все вы благие по природе, и потому ваша истинная свобода неминуемо приведет вас к осознанию и выбору дороги Справедливости и Правды. Что Бог оставит злу все это эфемерное время, страдания, тлен, пытки и огонь вечный. В Его вечности только милосердие и радость будут окружать всех вас.

Добрые Христиане говорили верующим, что они должны быть *устремлены к Добру*. *Добрые Христиане* были именно теми людьми, кто не только услышал и понял Благою Весть, но и пытался жить по заповедям Христовым, не причиняя зла. Спротивляясь сильным мира сего, но, не имея ни возможности, ни желания применять оружие мира сего, надеялись ли они на то, что смогут выжить и дожить до того времени, когда каждому человеку станет доступно обратиться к Богу с молитвой Отче Наш и просить от избавления от зла? Жертвы костра Монсегюра и их друзья, согласно логике их веры, не сомневались в том, что послание спасения Христового будет услышано людьми, несмотря на все гонения зла. Что это послание должно быть слышимо в этом мире, иначе окажется, что Христос приходил напрасно, что Бог потерпел поражение, а Его желание вернуть погибшие души миссией Своего Сына пропало всуе. Это означало бы, что послание угасло.

Добрый Человек Пьер Отье, проповедовавший в этом краю между Сабартес и нижним Кверси через пятьдесят лет после падения Монсегюра, говорил *Добрым верующим* в 1305 году то же, что говорил *Добрым верующим* и Гвиберт де Кастр в 1205 или 1235 году: есть две Церкви. Одна - гонима, но прощает, и это апостольская Церковь, Церковь *Добрых Христиан*, не совершающая ни зла, ни насилия; другая же владеет и сдирает шкуру, и это - злобная Церковь Римская. Она претендует на то, что охраняет отару овец Христовых, а сама пожирает их подобно волку, и ее боятся князья и бароны.

10 апреля 1310 года Пьер Отье, выслушав приговор, вынесенный инквизитором Бернардом Ги, был сожжен перед кафедральным собором Сен-Этьен в Тулузе. Свидетели говорят о том, что, поднимаясь на костер, он сказал, что если бы ему дали возможность еще раз проповедовать перед толпой, то она вся обратилась бы в его веру. Но ему не дали такой возможности.

Если мы посмотрим на все это с точки зрения оставшихся *Добрых верующих*, лишенных своих пастырей, отобранных у них преследованиями и огнем, то можем представить себе, каково было им видеть, как власть проповедовать Евангелие и совершать духовное крещение Иисуса Христа, таинство, смышающее грехи и спасающее души, исчезло в этом мире вместе с физическим уничтожением последнего *Доброго Христианина*. Им был Гийом Белибаст, казненный архиепископом Нарбонны в Виллеруж-Терменез в 1321 году, или кто-нибудь после него, имени которого история не сохранила. И потому абсолютно неприемлемо, когда кто-либо в XX веке претендует на происхождение по прямой

линии от Добрых Людей, объявляя себя их духовными наследниками. Те, кто делает это здесь и сейчас, все эти секты или отдельные лица, на самом деле не несут в себе ничего другого, кроме прикрытия каких-то коммерческих или политических интересов.

Катарская деревня простиралась до восточного хребта. Ядра военной машины долетали до ее домов.

16 марта 1244 года. Двести двадцать Добрых Христиан и Христианок были сожжены у подножия горы.

Нам прекрасно известно, в каком отчаянии умирали Добрые верующие XIV века, какой невыносимый ужас обуревал их, когда они понимали, что с пеплом последнего Доброго Христианина исчезла евангельская традиция, которой их Церковь - по крайней мере, они в это верили - придерживалась со времен апостолов; что голос Добра умолк в этом мире. Каленым железом была перерезана нить, которая с помощью крещения Духом во имя Христа давала каждому Доброму Мужчине и каждой Доброй Женщине власть отпускать грехи и спасать души, власть связывать и развязывать, которую апостолы получили от самого Христа в день Пятидесятницы через дуновение Духа Святого. После костра Белибаста, вера, возможно, еще жила в сердцах некоторых верных, но сама Церковь, хранилище Евангелия и таинства, была мертва.

Ни одна секта с претензиями на инициацию не может сегодня заявлять о том, что она сохранила апостольскую традицию Добрых Людей, уничтоженных в Средние века. По двум очень простым причинам. Прежде всего, так называемая катарская Церковь не имела призвания быть тайным обществом посвященных, хранящим мистические или интеллектуальные откровения для нескольких избранных, а настоящей универсальной религией христианского спасения, призывающей всех людей к покаянию через проповедь Нового Завета и таинство Крещения. И если бы чудом какой-нибудь Добрый Христианин из окружения Пьера Отье, например, Пьер Санс или Понс Бэйль, укрылся бы в убежище в

Гаскони или Арагоне, организовав там тайную общину Церкви, при первой же благоприятной возможности эта община вышла бы из подполья, чтобы и дальше исполнять свою миссию открытой евангелизации. Но так не случилось ни во время расцвета Реформации, ни во время Французской Революции. Мы не прослеживаем в истории ни одной подобной попытки. Никакого воскрешения. Источник иссяк.

Кроме того, есть еще одна причина, вызывающая у нас улыбку при виде всех этих сектантских претензий. Вышеуказанные секты объединяет одно общее правило - они на самом деле не знают о том, чем была апостольская традиция Добрых Христиан, уничтоженных в Средние века. Они часто даже не знают о ее существовании. Они вообще не знают, чем на самом деле было так называемое катарское христианство, начиная с его простого христианского характера. Наиболее эрудированные любят порассуждать о зороастризме и манихействе, щедро сдобренных пифагорейскими ингредиентами с примесью алхимической соли. А особо вредные - это последователи разнообразных околонуцистских течений, которые вечно носятся с экземплярами *«Крестового похода против Грааля»* и *«Трона Люцифера»*. Эти книги были написаны Отто Раном, офицером сначала СА, а потом СС, и переполнены фантазмагориями о языческих и друидических (то есть арийских) практиках и науках катаров, павших жертвами иудео-христианской Инквизиции.

Поэтические увлечения, захватившие умы относительно катаров вообще и Монсегиора в частности, не дали таких экстремистских результатов. Возможно, это было следствием здоровой реакции любого гуманистического общества, настроенного на симпатии в пользу поверженных Историей, этих жертв несправедливости и нетолерантности, защищавших свою веру не силой оружия, а ненасилием. Симпатии в пользу жертв, которых сильные мира сего в то время (впрочем, как и сегодня), не стеснялись осуждать и казнить.

Ну, остается еще и коммерческий сектор, как говорится, «экономический», который управляет миром, где мы все живем, здесь и сейчас, который имеет власть над человеком и его жизнью, над его сознанием, интеллектом, над его душой, если верить, что она существует, и в любом случае царит в его сердце. Этот сектор тоже предстает перед нами словно какое-то божество со своей биржевой литургией, божество, которого катарские Христиане безошибочно идентифицировали бы с князем мира сего. Этот сектор создал нашу идеологию культурного супермаркета, где фантазмы лучше продаются, чем реальность, и лучше пополняют банковский счет. Катары, Добрые Христиане, с их евангельской требовательностью, правилами монашеской жизни, схоластической логикой, будут стоить намного меньше, и будут иметь меньше спроса для коммерции и масс-медиа, чем возбуждающие и слегка безумные завихрения нашего времени, ставшие уже своеобразной традицией конца столетия - Эксклармонда Наполеона Пейра; Монсальват Вагнера, переписанные и поправленные Пеладаном и Геузи; пятиугольники Антонина Гадаля, свинцовые голубки, изумрудные Граали, прокладывающие дорогу для Нью Эйдж... Нелегко выжить только на «продукции» Добрых Людей... Нелегко их выгодно продать.

Но зато гораздо легче заморочить головы толпам и усыпить всякий критический смысл историями о спрятанных сокровищах и таинственных инициациях. Легко сфальсифицировать свидетельства выживших в Монсегиоре, превратив, например, денежные резервы катарской Церкви в некие «таинственные объекты», которыми могут оказаться святой Грааль или неизвестные труды Платона. Легко внушить это тем, кто не знает, что Добрым Людям совершенно не нужна была кровь Христова, потому что большинство из них не верило в Его человеческую природу. И вряд ли у них были неизданные книги Платона и Пифагора, потому что, будучи хорошими средневековыми учеными, рационалистами образца XIII века, они больше интересовались Аристотелем и его «Логикой»! Как легко фабриковать пляжное чтиво, где герой или героиня являются реинкарнацией кого-то из известных

исторических лиц! Как легко наживаться на горе и отчаянии людей, продавая рецепты чудес «патентованной радостной катарской смерти»!

Таким образом, друзья мои, как говорил последний из Добрых Людей, тоже павший жертвой специалистов от медийного имиджа, будем хранить бдительность. Конечно же, все худшее с ними, Добрыми Христианами и Добрыми Христианками, уже случилось. Чего же нам еще бояться? Средневековое западноевропейское общество объявило их еретиками, манихейцами и арианами, виновными в преступлении оскорбления божественного величества. Оно исключило их из своей среды, оно устремило на них преследования и гонения, оно их физически уничтожило, развеяло по ветру их пепел, да еще и вываляло в грязи их память, превратив принадлежность к ним во что-то мерзкое и постыдное. И многие столетия, следуя этому образцу, доминирующая идеология все так же глядела на них сквозь какую-то полицейскую призму, искажая даже то немногое, что от них осталось, и пытаясь внушить будущим поколениям уверенность в том, что они были всего лишь манихейцами, занозой в теле средневекового христианства, каким-то нарывом или раковой опухолью, которая привела бы человечество к вырождению. Ведь они так ненавидели человеческую природу, и только хитростью и демагогией использовали склонность окситанских феодалов к вялости и распущенности. И что хотя, конечно, в итоге с ними поступили несколько несправедливо и жестоко, но тех, кто заставил их исчезнуть, оправдывают многие смягчающие обстоятельства. И еще находятся такие, кто использует их имя для оправдания самых худших вещей и обоснования всех этих фантазий. Что может быть хуже?

В наши дни, когда продается все, что только можно продать, когда в чести новое Каноническое Право, называемое законами рынка, пришла очередь и катаризма. И чтобы лучше его продать, используют то оскорбительное название, которое дали Добрым Людям их противники, сильные мира сего, чтобы навесить на них ярлык еретиков: и теперь мы видим «катарский» сыр, или кемпинг «Катар» и прочие подобные вещи. Конечно, это не так уж трагично. Сегодня наше общество убивает других живущих. Что же могут значить попытки сохранить память о наших средневековых еретиках в этом великом, нескончаемом театре ужасов? Одну очень простую, но важную вещь - отблеск жизни, эхо слов тех, кто делает нас более человеческими, потому что нет выше человеческого достоинства, чем то, что отказывается использовать средства зла, даже если бы все началось снова. Каждый из нас, кто иногда, сам не понимая почему, пытается следовать дорогой в Монсегюр, несмотря на все свои важные дела и заботы, из уважения к ним, Добрым Христианам, должен быть бдителен. Потому что только мы остались единственными хранителями их еретической памяти.

Виллеруж-Терменез.
14 февраля 1994 года